

человек загадка

Софья
АННИНА
Елена
ПРОКОФЬЕВА

ЖИЗНЬ
И СМЕРТЬ
СЕКС-СИМВОЛА
АМЕРИКИ

МЭРИЛИН МОНРО

**Софья Александровна Аннина
Елена Владимировна Прокофьева
Мэрилин Монро. Жизнь и
смерть секс-символа Америки
Серия «Человек-загадка»**

pdf предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653562

*С.А. Аннина, Е.В. Прокофьева – Мэрилин Монро. Жизнь и смерть секс-символа Америки: Вече; М;
2014*

ISBN 978-5-4444-2343-1, 978-5-4444-8331-2

Аннотация

Она была легендой при жизни и осталась легендой после смерти. Мерлин Монро прожила яркую, но короткую и трудную жизнь. Предмет мечтаний тысяч мужчин, красавица, которой завидовали миллионы женщин, актриса, чей стремительный «взлет» на вершину киноолимпа казался чудом, она на самом деле была фигурой трагедийной. Неудавшаяся личная жизнь и напрасные попытки доказать режиссерам, что «красотка Мерлин» способна на нечто большее на экране, чем демонстрация своих прелестей, – вот основные причины драмы, разыгравшейся в богатом особняке, где утром 5 августа 1962 г. полицией было обнаружено тело Мерлин. Однако до сих пор многие обстоятельства смерти актрисы остаются неизвестными.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

С. А. Аннина, Е. В. Прокофьева Мэрилин Монро. Жизнь и смерть секс-символа Америки

© Аннина С. А., 2014

© Прокофьева Е. В., 2014

© ООО «Издательство „Вече“», 2014

Пролог «Мэрилин была фантазией»

Настоящие звезды сияют вечно. Настоящие звезды бессмертны.

Но даже среди бессмертных Мэрилин Монро до сих пор занимает особое место.

Несмотря на сотни написанных о ней книг и десятки документальных фильмов, Мэрилин сохранила большинство своих прижизненных тайн. И тайну ее смерти так и не удалось разгадать по-настоящему. И даже тайну ее привлекательности.

Почему она до сих пор является самой узнаваемой кинозвездой в мире?

Почему она до сих пор – абсолютный секс-символ?

Почему именно она стала «самой знаменитой блондинкой в истории»?

Почему никому не удалось ее превзойти?

Дело было не только в ее внешности, пусть и привлекательной, ведь в поколении Мэрилин Монро были актрисы с гораздо более совершенными телами и лицами: одновременно с ней блистали Элизабет Тейлор, Ава Гарднер, Грейс Келли, Одри Хепберн, Джина Лоллобриджида...

Но Мэрилин затмевала их всех.

Не самая блистательная актриса, не самая выдающаяся красавица, весьма посредственная певица.

Однако она приковывала взгляды, завораживала, очаровывала, появлялась ли она на экране или на фото.

Некоторые утверждали, что все дело в томном прищуре и манящей полуулыбке, Мэрилин всегда смотрела так, словно счастлива, изумлена, смущена и – охвачена желанием, которого слегка стыдится. Взгляд и улыбка, совершенно неотразимые! Причем она умела изобразить их в ту же секунду, когда замечала направленный на нее объектив, даже если на самом деле в этот момент была чем-то расстроена или больна. Она преображалась, начинала сиять и соблазнять.

Другие говорили, что все дело в ее странной виляющей походке, в особой пластике, сочетании мягкого покачивания тела и некоторой неуверенности, с которой она ступала, словно ее каблуки всегда были чуть выше, чем следовало. Якобы из-за этой походки ее тело покачивалось особенно соблазнительно, она привлекала внимание сразу и к груди, и к бедрам, и вместе с тем казалась уязвимой. Тоже неотразимое сочетание, вызывающее желание поддержать, заключить в объятия, подхватить на руки.

Иные считали, что тайна – в особенном сиянии ее кожи, и пристально изучали, каким способом Мэрилин гримировалась. Но когда другие женщины пытались имитировать ее походку, ее улыбку и взгляд, так же наносить тональный крем и губную помаду, так же припудривать руки и грудь, – у них не получалось овладеть сексуальной магией Мэрилин. Она притягивала взгляды как магнит. И это было не простое любование: Мэрилин пробуждала первобытное желание. Живи она в Средневековье – ее бы наверняка обвинили в колдовстве. Или в том, что она – подменыш, дитя фейри. Только ведьмы и феи умели быть настолько неотразимыми.

Фотограф Берт Стерн, сделавший для журнала «Vogue» одну из самых последних – и, наверное, самую знаменитую фотосессию с Мэрилин Монро, – позже записал свои впечатления в эссе «Энергетика созерцания», где попытался разгадать тайну привлекательности Мэрилин: «Пугливый призрак, летучий, как сама мысль, и яркий, как игравший на ней свет. Я не мог заморозить Мэрилин и рассчитывать, что у меня получатся ее фотографии. Она

была полной противоположностью Элизабет Тейлор. Лиз Тейлор всегда на месте. Ей нужно только повернуться в указанную сторону и замереть. Ее красота формальна. Лиз – это факт красоты. Мэрилин была фантазией. Замри Мэрилин на одну минуту – и ее красота сразу испарилась бы. Фотографировать ее – это было то же самое, что фотографировать сам свет».

Возможно, Берт Стерн почти разгадал ее тайну, допустив эту мысль: «Мэрилин была фантазией».

Почти.

Потому что Мэрилин все же была женщиной из плоти и крови. Женщиной, которая могла радоваться, страдать, капризничать, тревожиться, влюбляться, болеть, умереть. Тогда как фантазии неуязвимы и бессмертны...

Впрочем, даже доказательства уязвимости Мэрилин, даже шрамы на ее теле, оставшиеся от операций по удалению желчного пузыря и аппендицита, выглядели сексуально. «Изыян, несовершенство, которое только делало ее более ранимой и подчеркивало невероятную гладкость ее кожи. Кожи цвета шампанского, цвета алебаstra... абсолютно восхитительной. Хотелось погрузить в нее пальцы, как в только что взбитые белки», – вспоминал Берт Стерн, который снимал Мэрилин почти обнаженную, прикрытую лишь прозрачными драпировками, сквозь которые были видны шрамы.

Мэрилин Монро называли секс-символом. Сейчас актрисы гордятся этим «титолом». И мало кто понимает, что в 50-е годы это было сродни оскорблению. «Секс-символ» – не настоящая актриса, а та, которая годится лишь соблазнять. Девушка сродни пин-ап картинкам, которыми американские дальнобойщики украшали свои кабины.

«Я никогда не понимала выражения „секс-символ“. Символ – это ведь вещь... Мне неприятно быть вещью. Но если уж предназначено быть символом, то лучше быть символом секса, чем чего-либо другого», – говорила Мэрилин.

Но на самом деле она все прекрасно понимала. Чем более зрелой она становилась, тем лучше она сознавала свою сексуальную привлекательность. Она использовала секс, как могучее оружие. И была тем более неотразима, что умудрялась при этом казаться невинной. Как очень юная девушка, только открывающая для себя телесные радости. В этом был ее уникальный талант...

Стерн фотографировал Мэрилин на протяжении трех суток в отеле «Bel Air», в номере со спальней, с огромной кроватью, в номере, уставленном бутылками с шампанским. Он снимал Мэрилин задремавшую, завернутую в простыни, и эти фотографии ей особенно понравились. И при этом он продолжал верить, что, флиртуя с ним через видеоискатель камеры, Мэрилин оставалась в глубине души невинной: «В какой-то момент Мэрилин играла с розовым шарфом, и я поймал ее на том, что она немножко любит себя, чувствует свое собственное цветение, свою собственную сладость. Ее невинность меня забавляла. Я видел девушку, которая, как все считали, отлично понимала, как реагируют на нее мужики, а она просто не замечала этого, она жила в другом пространстве. Она была искренней, как ребенок. Искренней в своей сексуальности и в своей скромности».

Мэрилин Монро – «секс-символ»

А между тем Мэрилин почти соблазнила его. Равно как и Дугласа Киркланда, немногим ранее снимавшего ее для журнала «Look».

«Мне бы хотелось, чтобы все вышли. Я считаю, что должна остаться с этим парнем одна. Так мне лучше работается», – заявила она группе, прибывшей с Киркландом.

А потом, по его воспоминаниям, «дразнила, флиртowała, ясно давая понять, в чем она заинтересована и что именно ему предлагается».

«Эта укутанная в белые простыни и излучающая тепло женщина любила подобную игру, – рассказывал Кирклэнд, – и хотя между нами ничего такого не произошло, но, в ее понимании, что-то все-таки случилось».

И другие фотографы, работавшие с ней, рассказали о том, что испытали нечто подобное: Андре де Дьенес, Филипп Холсмен, Милтон Грин. Она умела флиртовать с объективом фотоаппарата. Она умела флиртовать с кинокамерой. Флиртовать и соблазнять.

Да, соблазнять – это было ее природой.

Все эти профессионалы, которым позировали прекраснейшие актрисы и модели того времени, эти мужчины, которые считали себя пресытившимися женской красотой, – все они признавались, что Мэрилин вызывала у них желание.

Именно это было ее целью. Вызвать желание. Чтобы камера влюбилась в нее. Чтобы камера ее хотела. И человек, который стоит за камерой... Тогда получатся те кадры, которые сведут с ума зрителей в кинозале. И тех, кто увидит ее фотографии.

О фотографиях Киркланда, которые ей особенно понравились, Мэрилин сказала: «Думаю, как раз с такой девушкой мечтал бы оказаться среди этих простыней водитель грузовика».

Для нее было важно нравиться обычным зрителям. Не кинокритикам, не представителям киностудий, не маститым режиссерам, – но тем, кто заплатит за билет в кино.

«Если я звезда, то это люди сотворили меня, не студия, а именно люди», – говорила Мэрилин.

До сих пор популярны постеры и календари с ее фотографиями.

До сих пор производители косметики эксплуатируют желание женщин «быть как Мэрилин» и называют ее именем свою продукцию: светлую краску для волос, красную блестящую помаду, красный лак. Регулярно выпускаются целые коллекции косметики «в стиле Мэрилин Монро». Современные кинозвезды и модели рекламируют их, загримированные и причесанные «как Мэрилин». Но именно попытки примерить на себя ее стиль, ее образ доказывают, что она была неповторима. Ни одна, даже самая красивая, женщина не может овладеть ее магнетизмом. И никакой оттенок краски для волос, никакая помада и правильно нарисованные стрелки не помогут.

Мэрилин всю жизнь, с тех пор, как смогла позволить себе духи, пользовалась «Chanel № 5», и значительно повысила популярность этого парфюма, заявив, что перед сном надевает на себя только несколько капель «Chanel». Правда, был у нее еще один любимый парфюм, о котором менее известно: «Rose Geranium» от Floris, который она заказывала из Лондона партиями по шесть флаконов. Но те, кто знал актрису лично, вспоминали о ее собственном восхитительном чувственном телесном аромате, пробивающемся сквозь флер духов. И парфюмеры до сих пор пытаются воссоздать «аромат Мэрилин»:

«Vraie Blonde» от Etat Libre d Orange, «Immortelle Marilyn» от Nez a Nez, «Marylin & John» Parfumerie Generale, «Marilyn Bleu», «Marylin Rose» и «Marylin Rouge» от Andy Warhol... Или хотя бы продать во флаконах иллюзию запаха самой соблазнительной женщины. Воссоздать ту гамму ароматов, которая ассоциируется с Мэрилин. Светлый мускус, пахнущий, как кожа блондинки. Благоухание алых роз, которые она любила. Искристый запах шампанского, которое было для нее любимым лакомством. Прохладный ирисовый запах пудры. И обязательно – сладость: спелых персиков, клубники, малины. Без сладости парфюмерный образ Мэрилин Монро не существует. Потому что она кажется сладкой и нежной.

А между тем современники считали, что лучшую характеристику Мэрилин дал кинооператор Джек Кардифф: «Хотя она производила впечатление мимозы, эта девушка была словно выкована из стали».

Быть может, именно в этом заключался ее секрет.

Один из множества ее секретов.

Глава 1

Дитя киноленты

Жизнь нашей героини окружена тайнами, недомолвками и недоразумениями, начиная с самого ее рождения.

Будущая Мэрилин Монро появилась на свет 1 июня 1926 года, в общей палате городской больницы Лос-Анджелеса. И назвали ее... Тут-то и начинается путаница.

В регистрационной книге новорожденная была записана как Норма Джин Мортенсон.

Ее мать, Глэдис Перл Монро Бейкер, дала малышке фамилию своего второго мужа, изменив в ней одну букву. Меж тем Мартин Эдвард Мортенсен, которого ветреная Глэдис бросила за пару лет до этого, почти наверняка не имел никакого отношения к ее ребенку. Поступок молодой матери можно списать на то, что в 20-е годы прошлого века консервативное общество не очень-то приветствовало рождение детей вне брака. Но чем объяснить перемену буквы, если только это не была случайная описка?.. Так или иначе, через шесть месяцев девочку крестили уже под фамилией Бейкер, доставшейся Глэдис «в наследство» от первого замужества.

Что касается двойного имени Норма Джин, то, если верить многочисленным биографам, Глэдис и ее подруга Грейс Мак-Ки, беззаветно влюбленные в мир кино, составили его из имен своих любимых актрис – Нормы Толмэдж и Джин Харлоу. Но и тут закралось «но» – когда Мэрилин, еще не Мэрилин, родилась, Джин еще не была Джин. «Первая платиновая блондинка» в истории американского кинематографа, секс-символ 30-х, тогда еще звалась Харлин Карпентер и псевдоним взяла лишь два года спустя.

Эти моменты важны и в контексте реальной жизни Мэрилин Монро, и для мифа, усердно сотканного кинозвездой и десятками противоречащих друг другу интерпретаторов, но начавшего твориться с первых дней ее земного пути – как будто бы самой судьбой.

Казус с фамилиями двух мужей Глэдис, ни один из которых не доводился отцом Норме Джин, при других обстоятельствах мог бы показаться и забавным. Мэрилин часто вводила в замешательство беседовавших с ней журналистов.

«Так, беседуя с одним интервьюером, она как нечто само собою разумеющееся сообщала ему, что ее девичья фамилия Бейкер. В следующий раз, отвечая на аналогичный вопрос другому интервьюеру, она скажет: „Мортенсон“. А поскольку все это не более чем киношная самореклама, никому не придет в голову ловить ее на противоречиях», – усмехался американский писатель Норман Мейлер, один из биографов Монро.

Однако «комплекс безотцовщины», похоже, мучил Мэрилин не на шутку, и неопределенность, связанная с ее рождением, давила на актрису тяжелым грузом.

А с Джин Харлоу Мэрилин Монро ощущала некое мистическое родство, пусть та и не могла быть, как мы сказали бы сейчас, ее «виртуальной крестной». Истории двух голливудских блондинок действительно до странности схожи. Обе взяли в качестве псевдонимов фамилии своих матерей, обе прославились благодаря сногшибательной сексапильности, обе не были счастливы в любви, обе умерли молодыми. В фильме о Харлоу Монро едва не сыграла главную роль.

Что же до настоящих родственников Мэрилин... Без разговора о них не обходится ни одна мало-мальски подробная ее биография. Конечно, вообще редко какой-либо биографический труд обходится без упоминаний о родне героя, но этот случай – особый. Ведь именно с историей семьи кинозвезды связана значимая часть мифа о Мэрилин Монро – теория о наследственном безумии, преследовавшем как страшный рок все ветви ее рода из поколения в поколение.

Действительно, известно, что и Мэрилин, и ее мать, и бабушка страдали расстройствами психики. Но точного и однозначного диагноза так и не поставили даже самой актрисе. Нет никакой уверенности, что все три женщины болели одной болезнью, и тем более – что эта болезнь могла передаваться по наследству.

Среди остальных членов семьи, безусловно, попадались люди с непростыми характерами; были и эксцентрики, и чудаки всех мастей, и даже самоубийцы... Одной из «отличительных семейных черт» можно назвать и склонность к неудачным и зачастую слишком ранним бракам...

Но ведь схожий, а то и похлеще, набор можно, покопавшись, обнаружить если не в каждой второй, то в каждой третьей семейной истории.

О родственниках Нормы Джин со стороны отца мы, естественно, не знаем ничего. Предки же ее по материнской линии приехали в Америку из Ирландии и Шотландии. Натуры романтические тут вспомнят о «маленьком народце» – фейри, то есть эльфах и феях, которых, согласно ирландским и шотландским легендам, подчас встречали путники на вересковых пустошах и близ зарослей папоротника. Иные из представителей «малого народца» и жили среди людей, и даже притворялись ими, используя чары – «гламор». «Гламор» же делал фейри неотразимо привлекательными в глазах смертных. Неотразимо привлекательной была и Мэрилин Монро, признанная «королева гламура»...

Однако прадед ее, Тилфорд Мэрион Хоген, сын фермера из Иллинойса, всю жизнь проработал простым поденщиком, кочуя в поисках заработка по городкам и деревням штата Миссури, – удел вполне прозаичный. Еще совсем юным, в 19 лет, он женился на Дженни Нэйнс. Эту разумную и прагматичную девушку поначалу, вероятно, впечатлили начитанность и широкий кругозор бедняка, самостоятельно овладевшего грамотой. Но когда, один за другим, появились трое детей, Дженни решила, что именно мужнины книжки, точнее, время, которое он им уделяет в ущерб насущным делам, – причина того, что семья перебивается с хлеба на воду. Повадки Тилфорда были ему «не по карману» столь же, сколь и его интересы. Не пьяница и не гуляка (во всяком случае, нам ни о чем таком не известно), он был... чересчур добр и щедр. И вот это уже действительно часто шло не на пользу его близким. Где бы, в какой бы очередной жалкой лачуге ни поселилось на месяц-другой семейство Хогенов, – все окрестные бродяги очень быстро узнавали, что здесь никогда не откажут в плошке супа или нескольких центах.

После двадцати лет непрерывных ссор Дженни подала на развод и, взяв детей, вернулась в свои родные края. Поступок, скажем прямо, нетривиальный для Америки 70-х годов XIX века.

Тилфорд не был одинок: с ним жила его сестра, его окружали многочисленные друзья, иногда навещали дети. В 77 лет он женился снова. А через пять лет, когда его ферма разорилась, а здоровье катастрофически ухудшилось, Тилфорд, не желая быть никому в тягость, покончил с собой, накинув на шею петлю.

Самой яркой натурой из трех детей Тилфорда и Дженни была Делла Мэй – будущая бабушка актрисы. Она не переняла ни отцовской любви к литературе, ни материнской рассудочности. Рыжеволосая девчонка с зелеными глазами была прогульщицей и заводилой. В девять лет она навлекла на себя гнев школьного директора, подбив одноклассников вместо урока отправиться к пруду – половить рыбу и искупаться. Когда Делле исполнилось пятнадцать, учителя уже ни за что на нее не сердились, поскольку к тому моменту она давно и думать забыла о школе.

За Деллой Хоген – пусть и не писаной красавицей, но очень привлекательной, жизнерадостной и веселой – парни ходили табунами, и, судя по всему, ей это нравилось. В мужья она в конце концов выбрала маляра-ремонтника Отиса Элмера Монро. Много позже Делла описывала его так: «весь из себя элегантный и всегда одевался как джентльмен – или, по край-

ней мере, как камердинер». Отис Монро был на десять лет старше 22-летней невесты и мог напоминать ей ее отца: как и Тилфорд Хоген, он имел более высокие культурные запросы, чем диктовало его положение. Правда, в отличие от Тилфорда, Отис был еще и амбициозен. Он мечтал когда-нибудь бросить ремесло маляра и стать настоящим художником, изучив искусство живописца не где-нибудь, а в Париже.

Как и у Деллы, у Отиса были рыжие волосы – хотя и не такого огненного оттенка. Зато огненностью темпераментов эти двое, по-видимому, не уступали друг другу.

Что немаловажно для нашей истории – Отис Элмер Монро считал себя прямым потомком Джеймса Монро, пятого президента Америки.

Вскоре после свадьбы молодожены покинули Соединенные Штаты, направившись – нет, не во Францию, а в Мексику, где Отис получил работу на строительстве железных дорог. Там, в городке Пьедрас-Неграс, в мае 1902 (по некоторым источникам – 1900) года родилась мать Мэрилин Монро – Глэдис Перл. Меньше чем через год семья вернулась в США, но не в Миссури, а в Калифорнию, в Лос-Анджелес – и брат Глэдис Мэрион Отис Элмер родился уже там.

В самом Лос-Анджелесе Монро продолжали переезжать с места на место, за шесть лет сменив около дюжины съемных квартир. Кочевнический образ жизни, хотя Делле, да и ее мужу, было к нему не привыкать, не способствовал ладу в семье. Все четверо жили в постоянном напряжении: взрослые – бурно обвиняя друг друга в неудачах, малыши – трясаясь от страха перед вспышками, зачастую беспричинными, родительского гнева и не зная, кого больше бояться, мать или отца. Впрочем, материнские оплеухи были не так страшны, как разрушительная ярость отца. Не раз Делла, подхватив детей, спасалась от мужа у соседей. Однажды Отис рассвирепел, наблюдая за мирной сценкой: Глэдис, играющей с котенком. Выхватив зверька у дочки, он со всего размаху швырнул его об стену.

Причины такого поведения крылись не только в дурном нраве главы семейства и в житейских невзгодах, но и в недуге, о котором до поры до времени никто не подозревал. То, что Отис Монро серьезно болен, стало очевидно только в 1908 году. Он стремительно терял память, у него дрожали руки и ноги, изменился и его характер – домашний тиран превратился в истерика, то и дело заходящегося в плаче. Летом 1908-го Отиса наполовину парализовало. Врачи диагностировали последнюю стадию сифилиса нервной системы – болезни, с которой тогда еще не умели справляться.

Первые месяцы Делла навещала супруга в больнице, но картина угасания любимого некогда человека оказалась для нее невыносимой. Отис стал неузнаваем даже внешне, да и сам уже никого не узнавал. Оправданием для Деллы, оставившей мужа умирать в одиночестве, в какой-то мере служило то, что она устроилась работать прислугой, чтобы прокормить детей.

В июле 1909 года 43-летний Отис Элмер Монро скончался. Детям Делла назидательно сообщила: «Папа сошел с ума и умер, потому что пил и плохо себя вел». Этим она заложила мощный кирпич в фундамент мифа о семейном безумии – ведь семилетняя Глэдис, разумеется, запомнила ее слова. Между тем не подлежит сомнению, что болезнь Отиса была вызвана органическими причинами.

Делла Мэй осталась молодой вдовой. Ей было всего 33 года, и ей хотелось жить. А жизнь теперь, как и в юности, представлялась Делле нескончаемой чередой поклонников... ну, насколько это возможно, когда работаешь прислугой и у тебя двое маленьких детей. В доме на Боулдер-стрит всегда было весело, но много лет спустя Глэдис с грустью вспоминала: «Мама любила мужчин, а мы хотели иметь отца».

Пару раз Делла, в чаду влюбленности, торжественно сообщала детям, что помолвлена, но эти помолвки, настоящие или воображаемые, ни к чему не приводили.

Весной 1912 года она все-таки вышла замуж – за мужчину «положительного» и с виду солидного, 29-летнего Лайла Артура Грейвса, бывшего сотрудника Отиса Монро. Иллюзии развеялись быстро. Делла то уходила от нового мужа, переселяясь вместе с Глэдис и Мэри-оном в отель, то возвращалась, а летом 1913-го окончательно рассталась с Грейвсом, обвинив его в бракоразводном иске в «пренебрежении обязанностями по содержанию семьи, разгульной жизни и постоянном злоупотреблении спиртными напитками».

Дети росли. К 13–14 годам Глэдис Перл превратилась в очаровательную девушку, живую, кокетливую и смешливую. На нее, как когда-то на ее мать, очень рано начали заглядываться и сверстники, и взрослые мужчины. Рыжеватый оттенок светло-каштановых волос она унаследовала от родителей – но не унаследовала присущего обоим яростного деспотизма и взрывного темперамента.

Зато эти свойства достались Мэриону Отису Элмеру, бывшему, как мы сказали бы сегодня, «трудным подростком». Того, как мать поступила с 11-летним сыном, Глэдис не смогла ей простить до конца жизни. Выведенная из себя постоянными жалобами учителей на выходки Мэриона и решив, что ему необходима «твердая мужская рука», Делла без лишних объяснений посадила мальчика в машину и отвезла его к дальним родственникам.

Мэрион внес свой вклад в копилку причуд и печалей семейства Хоген-Монро. Как и его дед Тилфорд Мэрион, в 19 лет он женился – подделав метрику, чтобы считаться совершеннолетним. И, как и дед, покончил жизнь самоубийством – причем, в отличие от Тилфорда, во вполне цветущем возрасте.

Где-то в январе 1917 года Делла без памяти влюбилась в Чарльза Грейнджера – повидавшего мир вдовца, пленившего ее рассказами об Индии и Юго-Восточной Азии. Но в путешествии, именуемое браком, эти двое пускаться поостереглись, хотя поселились вместе и Делла в разговорах с родней и подружками называла Чарльза своим мужем.

Влюбилась и Глэдис – в человека, как это уж было заведено в ее семье, очень мало ей подходящего. 26-летний бизнесмен из штата Кентукки Джон Ньютон Бейкер, по прозвищу Джаспер, приехал в Лос-Анджелес на недельку-другую – да так и остался, женившись на 14-летней девушке-подростке, чья мать под присягой подтвердила, что дочери уже исполнилось 18.

Не удался и этот союз. Джаспер, такой надежный и понимающий, так стремившийся поначалу уберечь свою девочку-жену от любых бытовых и жизненных трудностей, – оказался алкоголиком, склонным к рукоприкладству. Он наградил Глэдис двумя детьми и двумя сотрясениями мозга. В июне 1921-го она подала на развод. В ответ на обвинения в «исключительно грубом поведении, состоящем в том, что он забрасывает ее оскорблениями и отвратительными ругательствами, пользуется в ее присутствии вульгарной лексикой, а также бьет и пинает ногами» Джаспер обвинил жену в аморальном поведении. И заодно в том, что она мало внимания уделяет домашним хлопотам. Последнее походило на правду – охочая до развлечений Глэдис действительно не была прилежной хозяйкой. Убедив суд, что такой женщине нельзя доверить воспитание детей, Бейкер увез их – практически выкрав, когда малыши оставались на попечении бабушки.

Сын этой четы, Роберт Кермит, которого домашние отчего-то называли Джеком, погиб в ранней юности – еще одна печальная страница в семейной истории.

Дочь, Бернис Инес Глэдис, встретилась со своими матерью и единоутробной сестрой Нормой Джин лишь долгие годы спустя.

Биографы часто упрекали Глэдис в равнодушии к старшим детям, которое-де затем распространилось и на младшую дочь. Однако дотошный исследователь жизни Мэрилин Монро Рэнди Тараборелли нашел свидетельства того, что Глэдис, мягкая и ведомая, совсем не борец по натуре, в этом случае пыталась бороться. Родственники бывшего мужа, с которыми она списалась, заверили ее, что дома в Кентукки Джаспер с детьми не появлялись. И

Глэдис, у которой не было денег не только на адвоката, но даже на билет на поезд, отправилась на поиски автостопом, в тщетной надежде посещая все места, где, как ей думалось, мог затаиться Джон Бейкер. Через четыре месяца она возвратилась в Лос-Анджелес. «Ее улыбка умерла, – рассказывала много позже Делла. – Она всегда казалась мне маленьким ребенком, но из поездки вернулась взрослая женщина. По правде говоря, я привыкла постоянно спорить с ней. Но во время этого поиска она погасла. Теперь это была просто очень грустная женщина».

Этим дело не кончилось. Пришло письмо от брата Джаспера, Одри Бейкера. Он сознался в обмане: все то время, пока безутешная Глэдис колесила по стране, ее дети провели в Кентукки, в городке Флэт-Лик, у своей бабушки.

И Глэдис поехала во Флэт-Лик. Снова автостопом.

Добравшись до города, она остановилась напротив дома бывшей свекрови. И... Еще минуту назад молодая женщина была полна решимости постучать в дверь и потребовать детей назад. Но сквозь живую ограду, окружавшую двор, она увидела весело играющих Бернис и Джека. Они смеялись, они казались абсолютно довольными... Они так и не заметили, что мать грустно смотрит на них с другой стороны улицы. Почувствовав себя ненужной, Глэдис тихонько ушла.

Нет, она не сдалась. Но погрузилась в раздумья. Ведь если она просто отберет малышей у свекрови, точно так же, как Джаспер отобрал их у Деллы, – к старым обвинениям в ее адрес прибавятся новые. И детей отнимут опять, уже навсегда. А значит, она, Глэдис, должна доказать Джасперу, суду, всему миру, что может быть хорошей матерью и достойно воспитать сына и дочь. А значит, она должна измениться, на самом деле стать другой.

Сменив свои недорогие, но модные и вызывающие наряды на строгие скромные одеяния, отложив в сторону пудру и помаду, она нанялась няней в респектабельную семью, проживавшую в окрестностях Луисвилля, самого большого города штата Кентукки. Трехлетнюю девочку, о которой Глэдис предстояло заботиться, звали... Норма Джин.

Родители этой, «первой» Нормы Джин, Маргарет и Джон Коэны, не могли нарадоваться на новую нянюшку, такую ласковую и чуткую...

Спустя несколько месяцев Глэдис все же постучалась в дверь дома во Флэт-Лик. Встретили ее сухо и неприязненно. Джаспер не поверил – а скорее всего, и не хотел верить, – что его бывшая жена стала человеком, которому можно без опаски доверить детей. Сына она не увидела – тот лежал в больнице. Ей разрешили немного поиграть с дочкой под бдительным присмотром бабушки, после чего вежливо, но твердо указали на порог.

Вскоре Коэны заметили, что их идеальная няня ведет себя как-то странно. Глэдис то разговаривала с собой, то жаловалась на постоянно преследующих ее незнакомцев, которых, кроме нее, никто не видел. Незнакомцы крались к дому, прятались под кухонным столом, вторгались в ванную... Молодая женщина начала слышать голоса, звучащие в ее голове.

Деликатно, не называя истинной причины, Коэны сообщили няне, что больше не нуждаются в ее услугах. Поцеловав на прощание в лоб спящую Норму Джин и укутав ее одеялом, Глэдис ушла.

Эту историю она рассказала через несколько десятилетий, в 60-х, Роз Энн Купер – помощнице медсестры в лечебнице «Рок-Хейвен». Роз Энн готова была часами беседовать с матерью знаменитой Мэрилин Монро. Запомнилось ей и то, что необычная пациентка уверяла: именно в честь Нормы Джин Коэн, а вовсе не голливудских кинозвезд, она назвала свое последнее дитя, с которым ей тоже пришлось расстаться...

Но вернемся в начало 20-х, когда Глэдис Бейкер, истерзанная, утратившая надежду, перенесшая тяжелейший нервный срыв, приехала обратно в Лос-Анджелес. После отъезда Джаспера Глэдис пробовала жить вместе с матерью – полуроман, полубрак Деллы с Грейнджером был таким же бурным и суматошным, как и прочие ее отношения с мужчинами,

любовники то разъезжались, то съезжались вновь. Одно время Делла и Глэдис даже снимали на пару особняк неподалеку от моря, но ужиться не смогли – мать и дочь ссорились, словно две школьницы.

Поэтому молодая женщина перебралась в лос-анджелесский район Голливуд, уже тогда известный как сердце американской киноиндустрии. Глэдис устроилась в кинолабораторию Consolidated Film Industries (CFI), где ей поручили резать и склеивать негативы. «Если о ребенке, как две капли воды похожем на отца, говорят: неудивительно, ведь его мать девять месяцев глаз с мужика не сводила, то что сказать о Мэрилин, чья мать глаз не сводила с рулона целлулоидной пленки?» – задаст спустя полвека риторический вопрос в своей книге Норман Мейлер.

Глэдис быстро подружилась со своей начальницей Грейс Мак-Ки. Вопросов, кто главный в этом тандеме, ни у кого не возникало и вне службы. Энергичная разведенная и бездетная Грейс, которая была старше Глэдис на семь лет, взяла подружку-подчиненную в оборот. Когда они вдвоем шли по магазинам, Грейс выбирала одежду для них обеих. Она уговорила Глэдис выкрасить волосы в вишневый цвет. Один из их сотрудников вспоминал, что до того, как попасть под влияние Грейс, Глэдис была «эдакой серой мышкой» и он не оглянулся бы ей вслед, «даже если она оказалась бы единственной девушкой на всей улице».

На серую мышку Глэдис, конечно, никогда не походила, но неудивительно, если после пережитых событий она была подавленной и менее общительной, чем обычно. Грейс расшевелила ее. Подруги сняли вместе квартиру, где вечерами напропалую веселились с друзьями и ухажерами. На дворе стояли «ревущие двадцатые» – эпоха невиданной прежде свободы сексуальных отношений. С мужчинами Грейс Мак-Ки была смела и не слишком сентиментальна. Глэдис Бейкер, и без того не робкая, и в этом следовала ее примеру. Один из романов Глэдис привел к недолгому браку – с упомянутым выше Мартином Эдвардом Мортенсоном, сыном выходцев из Норвегии. Познакомились молодые люди на встрече адептов модного тогда религиозного учения «Христианская наука», которым неожиданно увлеклись Грейс и Глэдис. Это вроде бы сулило союзу некую основательность. Однако Глэдис явно не была готова к семейной жизни и через несколько месяцев сбежала от второго мужа. Потосковав и предприняв несколько попыток вернуть блудную жену, тот подал на развод.

Другой роман – с красавчиком Чарльзом Стенли Гиффордом, коммерческим менеджером CFI, – закончился беременностью. Во всяком случае, так сказала Глэдис уже повзрослевшей Норме Джин, это же повторяла после ее смерти и Роз Энн Купер в «Рок-Хейвен». Никаких доказательств тому, что именно Гиффорд был отцом Мэрилин Монро, биографам не удалось добыть и доселе. Жениться на Глэдис этот весьма самоуверенный молодой человек, очевидно, не помышлял и никакого интереса к своей гипотетической дочери не проявил. Более того, когда в кинолаборатории устроили сбор денег в пользу новорожденной и ее мамы, один только Гиффорд демонстративно уклонился от участия.

В ту пору, когда Глэдис носила под сердцем третьего ребенка, ее мать Делла Мэй была ходячей достопримечательностью Хоторна, пригорода Лос-Анджелеса, в котором проживала. Как и в молодости, она экстравагантно одевалась, щеголяла в широкополых шляпах, украшенных цветами. Но не столько возраст, сколько подтачивавший изнутри недуг наложил неизгладимый отпечаток на ее облик.

Вот как описывает ее в возрасте 49 лет со слов очевидцев Рэнди Тараборелли:

«Ее кожа, когда-то фарфорово-белая и гладкая, обвисла, пропал румянец. Теперь она выглядела неопрятно, волосы истончились и стали напоминать мотки проволоки, которые, казалось, были прилеплены к ее голове. Деллу так сильно изменило не только естественное старение. Когда-то она была общительной, быстрой, остроумной, с яркой индивидуальностью. Губы, покрашенные ярко-красной помадой, постоянно улыбались. Однако через какое-

то время ее глаза потухли. С годами она стала отдаляться от людей. Было похоже, как будто между окружающим миром и жизнью Деллы Монро постепенно воздвигалась стена».

Отчуждение внезапно сменялось приступами бешенства. Делла могла закатить скандал из-за любого пустяка кому угодно и где угодно, разразиться бранью прямо посреди улицы. Ида Боллендер, чей дом стоял напротив Деллиного, вероятно, не раз наблюдала подобные сцены, а иногда и унимала разбушевавшуюся соседку.

Ида, благочестивая прихожанка местной протестантской церкви, делила свое время между воспитанием приемных детей за умеренную плату и делами прихода. В ее обязанности входила распродажа пожертвованных церкви вещей. Делла была постоянной покупательницей, и Ида с удовольствием сбывала ей то, что под угрозой смерти не надела бы на себя набожные матери семейств, – все пестрое и блестящее, вычурную бижутерию, декольтированные платья, туфли на высоких каблуках. Иногда Делла заходила за «добычей» к Иде домой, и мало-помалу разительно непохожих соседок связало некое подобие дружбы.

В один из таких визитов, осенью 1925 года, Делла посетовала на беременность своей незамужней дочери. В ответ на сочувственные расспросы Ида с изумлением услышала, что будущая бабушка, несмотря на все ее беспокойство, вовсе не намерена хлопотать вокруг растущего живота Глэдис и вот-вот отправится вместе со своим сожителем Грейнджером в путешествие по Азии. Ида Боллендер, рассудительности у которой было гораздо больше, чем у вдовы и дочери «потомка президента» вместе взятых, предложила отдать ребенка, когда он появится, ей на попечение.

По сути, две эти женщины – полубезумная Делла и святоша Ида – и определили участь Нормы Джин еще до ее рождения.

Но поведение Глэдис лишь подтвердило правильность этого решения. Молодой женщине хватило силы воли отказаться от аборта как самого легкого выхода из положения и отважиться выносить дитя. Однако потом, в больничной палате, ею овладела апатия – возможно, вызванная послеродовой депрессией. Глэдис достаточно легко поддалась на уговоры вернувшейся из странствий матери.

13 июня 1926 года Глэдис Перл Бейкер с двухнедельным младенцем на руках переступила порог дома Иды и Уэйна Боллендеров.

Глава 2

«Покажи им, какая ты красивая»

Сегодня существует несколько сотен книг, посвященных истории жизни Мэрилин Монро. А впервые о детстве Нормы Джин Бейкер публика узнала из многочисленных интервью, данных Монро разным изданиям в разные годы. В 1960 году появилась книга «О, беспечная любовь» – единственная прижизненная биография Мэрилин, составленная Морисом Золотовым. «Мэрилин Монро. Моя история», написанная актрисой вместе с голливудским сценаристом Беном Хехтом, – читатели и исследователи до сих пор теряются в догадках, что в этой книге надиктовано самой Мэрилин, а что принадлежит фантазии ее соавтора, – должна была появиться на несколько лет раньше, но вышла только в начале 70-х.

Все эти источники рисуют картину мрачную, устрашающую, неприглядную, словно вышедшую из-под пера Диккенса или братьев Гримм. Ранние годы кинозвезды, по ее словам, изобиловали ужасами. Почти все позднейшие биографы Монро сходятся в одном: детство Нормы Джин действительно было нерадостным, каким только и могло быть детство сироты при живой матери, ребенка, которого передавали с рук на руки, будто надоевшую игрушку, однако оно обошлось без голода, холода, жестоких побоев и прочих экстраординарных кошмаров, описанных в «Моей истории» и интервью. Авторы книг о Мэрилин потратили немало времени, чтобы отделить зерна от плевел, факты от преувеличений и выдумок.

Душераздирающие байки отчасти были коммерческим ходом, ведь сказки о золушках хорошо продаются всегда и везде. Но в то же время они отражали подлинные чувства Мэрилин. Утрируя, она подчеркивала ощущение неприкаянности, которое, судя по всему, не покидало ее не только в ранние годы, но и потом, в пору беспримерной, фантастической славы.

Норме Джин казалось, что она не нужна никому. Особенно той, кто вытолкнула ее в этот мир.

«Я родилась по ошибке. Мать не хотела, чтоб я появилась на свет... вероятно, я ей могла в чем-то помешать. Мое рождение, должно быть, каким-то образом запятнало ее. У разведенных женщин и так много проблем; еще раз выйти замуж нелегко; что уж говорить про тех, у кого незаконный ребенок... И все же... И все же, как было бы хорошо, если б она хотела меня».

Ида Болендер, первая воспитательница Нормы Джин, в чьем доме девочка прожила до семи лет, бесспорно, заслуживает нашего внимания. Вот ее портрет руки Тараборелли:

«Темно-карие глаза за большими круглыми очками, сидящими на удлинённом серьёзном лице. Она была похожа на классическую сельскую учительницу. Возможно, она была бы привлекательной, если бы ее это интересовало. Однако у нее не было времени заниматься своей внешностью. Ее прическа говорила об этом красноречивее любых слов. Ее волосы были неровно обрезаны по кругу прямо под ушами, они выглядели так, как будто она взяла ножницы и, не глядя, обрезала их. Завершал картину черный как смоль чепец на голове... Ее одежда также много говорила о ней. Она постоянно носила один и тот же фасон – платье с короткими рукавами, которое мешком висело на ней. Она называла этот предмет одежды своим функциональным и практичным „домашним платьем“. Хотя ей было всего тридцать семь лет, она была настолько деловой и усердной, что выглядела намного старше – казалось, что ей около пятидесяти».

Ида и ее муж Альберт Уэйн, местный почтальон, были, судя по всему, людьми отнюдь не бессердечными, но сдержанными и строгими. Вверенных их заботам детей они воспитывали так же, как воспитали их самих, – скупно отмеряя ласку и требуя неукоснитель-

ного исполнения неписанных правил поведения, твердо вбитых когда-то в их головы родителями-баптистами.

Однако же Нэнси Джеффри, прожившая у Болендеров несколько лет, вспоминала: «В нашем доме Норма Джин была счастлива. Это была любящая семья, счастливый дом, полный детей. Мать была очень трудолюбива. Она сама шила нам одежду. Она любила нас, хотя не говорила нам об этом. Она заботилась, чтобы с нами ничего не случилось. Всякий раз, когда мы выходили из дома, не важно куда, она говорила: „Подождите минутку“ и произносила короткую молитву о нашей безопасности...»

Детство помнилось Нэнси совсем не так, как Мэрилин: «Мы росли на свежих помидорах, кукурузе, арбузах, зеленых бобах и тыкве. У нас в саду было полно слив, яблок и лимонов. Было одно огромное фиговое дерево, на которое любили залезать Норма Джин и Лестер – наш брат, единственный, кого мама и отец официально усыновили. Они затаскивали туда одеяла и делали там себе домик. У нас были цыплята и кролики, и папа даже купил козу, потому что у некоторых из нас в раннем возрасте была аллергия на коровье молоко. Нам не нужно было часто ходить в магазин, но в тех случаях, когда мы туда отправлялись, папа вез нас на своем „Форде“ модели „Т“, и мы сидели в машине, пока мама и отец делали покупки. Мы играли на улице, пели любимые песни, а иногда папа рассказывал нам разные истории. Еще сохранилось детское воспоминание, что в дождливые дни нам приходилось сидеть дома, и мы делали домик под столом в столовой, переворачивая стулья и ставя их на стол, чтобы получились стены. Затем все это накрывалось одеялами. Мама даже иногда позволяла нам там завтракать. Норме Джин все это очень нравилось».

Рисуется картинка почти идиллическая. Но в 20-е – 30-е годы на всей планете насчитывалось не так уж много противников телесных наказаний, и Ида Болендер не принадлежала к ним. Отшлепать или отстегать ремнем провинившегося ребенка она почитала за педагогическую норму, более того – за священный педагогический долг.

Однажды Делла Монро увидела из окна своего дома, как Ида задала трепку Норме Джин – девочка, которой не сравнялось еще и года, опрокинула миску с кашей, которой ее кормили за столиком в саду. Возмущенная бабушка пулей перелетела дорогу, чтобы вступить за внуку. С тех пор Ида Болендер начала опасаться соседки.

Возможно, именно этими страхом навеяна кочующая из книги в книгу, из статьи в статью жуткая история – о том, как обезумевшая Делла якобы пыталась придушить подушкой 13-месячную Норму Джин. «Помню, я проснулась. Мой сон прервался, я боролась за жизнь. Что-то давило на лицо. Может быть, подушка. Я сопротивлялась изо всех сил», – рассказывала Мэрилин. Реальное это воспоминание или ложное, позднейшее, навеянное словами опекуны? Мы не знаем.

В пересказах разнятся даже внешние обстоятельства дела.

То ли Делла Мэй забрала к себе внуку на несколько послеполуденных часов, как делала регулярно, а Ида зашла за Нормой Джин и заметила нечто неладное. Что именно – еще вопрос. По одной из версий – всего лишь закашлявшегося и покрасневшего ребенка. Возможно – бабушку, поправлявшую подушку запутавшейся во сне внучке.

То ли Делла ворвалась в дом соседей, выбив локтем дверное стекло, и фурией кинулась к малышке, – и перепуганные Болендеры вынуждены были вызвать полицию.

Примерно месяц спустя после момента, к которому относят это событие, Деллу Мэй Монро поместили в Норфолкскую больницу. Там она и умерла – в возрасте 51 года. В медицинской карте, констатировавшей смерть от миокардита, значился также «атипичный маниакально-депрессивный психоз». Тут-то бы нам и вспомнить о «родовом безумии», но этот диагноз был довольно расплывчат и поставлен только потому, что Глэдис, жившая с матерью в последнее время, упомянула об участившихся перепадах ее настроения.

Можно предположить, что «безумие» Деллы было просто нервной реакцией на изматывавшую болезнь. К тому же проблемы с сердцем и сосудами ослабляли кровоснабжение мозга, что влияло на психику и делало женщину, и всегда-то эмоционально неустойчивую, с трудным характером, и вовсе невыносимой для окружающих.

Глэдис переехала в Хоторн не только из-за ухудшавшегося здоровья матери. Отдав Норму Джин Болендерам, она договорила, что станет проводить с дочерью каждые выходные, – а ездить туда-обратно, живя в Голливуде, было слишком уж утомительно. Потом, когда девочка уже вышла из младенческого возраста, Глэдис вернулась в Голливуд и устроилась на работу сразу в две киностудии.

В скромно обставленном жилище Иды и Уэйна Глэдис выглядела пришельцем с другой планеты, диковинным экзотическим цветком. Выкрашенные в вишневый либо в оранжевый цвет волосы, кричащий наряд, сигарета в руке, подчас – и запах алкоголя. Понятно, что думала Ида о примере, подаваемом гостьей Норме Джин и другим малышам, которые застенчиво поглядывали на «странную тетю». Но терпела. Из милосердия, из-за благовоспитанности и из-за дополнительной платы, которую вносила Глэдис Бейкер за право понанчивать собственную дочь.

«Негоже вставать между ребенком и матерью, какой бы та ни была», – так, верно, думала Ида Болендер. И, когда малышка называла ее «мамой», неизменно поправляла: «Нет-нет, твоя мама – та рыжеволосая дама, что приезжала к нам в субботу».

Когда девочка выросла до длинных прогулок, Глэдис стала придумывать для нее развлечения, которые хотя бы с утра до вечера вырывали Норму Джин из однообразного, устойчивого однажды и навсегда уклада дома Болендеров.

Районы и пригороды Лос-Анджелеса, как известно, очень отличаются друг от друга. И если унылый пыльный Хоторн походил на американские провинциальные городки середины XIX века, – в других местах все было иначе. Жизнь там была ключом.

Вдвоем мать и дочь устраивали пикники на пляже в Сансет-Бич, радостно опустошая корзинку с припасами, болтая о том о сем и нежась на солнце. Ахали, восхищаясь ловкостью акробатов и жонглеров на площади Святого Марка в лос-анджелесской Венеции. Или просто садились на трамвай, выходя где в голову взбредет и не строя никаких планов заранее. Много лет Норма Джин хранила полосатый зонтик, купленный ей матерью в одну из их вылазок.

Но эти праздники омрачались частыми переменами настроения Глэдис. Порой та надолго замолкала, лишь изредка устало морщась: «Ах, не шуми так, детка. У мамы болит голова». Порой болтала взахлеб и смеялась – и казалось, что ей немногим больше лет, чем ее дочке. А порой принималась мечтать вслух о том, как навсегда заберет свою девочку к себе. Они поселятся в маленьком домике, где непременно будут белые занавески и белый рояль, на котором Норма Джин научится играть. И никогда больше не расстанутся.

Нередко к семейному дуэту присоединялась «тетя Грейс» – Грейс Мак-Ки, по-прежнему самая близкая подруга Глэдис. Немногим позже она станет главной фигурой в жизни Нормы Джин. Глэдис и Грейс снимали на двоих квартиру в Голливуде. Иногда девочку привозили после прогулки туда и оставляли ночевать. В спальне Глэдис висели на стенах и стояли на комодe фотографии актеров. Как-то раз мать – то ли в шутку, то ли в ответ на постоянные расспросы маленькой «безотцовщины» – показала дочери на портрет Кларка Гейбла в роли очередного лихого красавца, усатого покорителя сердец: «Это твой папа». Ее слова прочно застряли в памяти Нормы Джин.

Подруги, как и встарь, бредили кинематографом. Они гордились своей причастностью к нему, чувствовали себя жителями волшебной страны, хотя монотонная, донельзя прозаичная работа, которой они занимались, казалось, должна была бы лишить их иллюзий. Гуляя с Нормой Джин среди вычурно-роскошных голливудских кинотеатров, больше похожих на сказочные дворцы, они говорили ей: «Смотри, здесь идут НАШИ фильмы!» Они обсуждали

перипетии жизни звезд (честолюбивая шотландка Мак-Ки когда-то мечтала попасть в их число), особенно любовные похождения. Вероятно, тогда-то у Глэдис и Грейс и зародилась мысль: хорошенькая белокурая девчушка должна стать актрисой! В самом деле, а кем же еще?!

Исподволь трех-, четырех-, пятилетней девочке преподавались основы «женской премудрости». Две дамы не только забавлялись, позволяя Норме Джин играть с содержимым своих косметичек, но и учили ее накладывать румяна и красить губы помадой.

Бывало и так, что компания разрасталась, – и Норма Джин оказывалась на пляже или в чьей-нибудь гостиной среди взрослых, приятелей и приятельниц Глэдис и Грейс. Сначала девочку осыпали приторными нежностями, а потом забывали про нее. И никто, даже мама и тетя Грейс, уже не обращали на Норму Джин внимания. Вдобавок все эти люди слишком громко и экзальтированно говорили и слишком много курили. Норме Джин становилось скучно, она замыкалась в себе и уже с меньшей тоской ждала того момента, когда вернется в Хоторн и Ида без улыбки прикажет ей поскорее переодеться и тщательно умыться.

Случалось, что Глэдис не заходила за Нормой Джин в уик-энд, пропуская встречу с дочерью ради свидания или модной вечеринки. Материнские чувства она проявляла бурно, но как-то спорадически, непостоянно...

Есть свидетельства, что Ида Болендер всерьез подумывала официально удочерить девочку и говорила об этом с Глэдис.

Беседе якобы предшествовало мелодраматическое событие, о котором рассказывали дети друзей Болендеров и которое подозрительно напоминает историю с покушением Деллы Монро на жизнь своей внучки.

Это повествование, передававшееся из поколения в поколение и обраставшее, видимо, все более эффектными подробностями, вкратце можно пересказать так.

Когда Норме Джин было около трех лет, ее мать в одно не самое прекрасное утро решила, что дочь должна жить с ней, – и что уладить вопрос нужно радикально и немедленно. Явившись в Хоторн, она застучала обоими кулаками в дверь Болендеров и агрессивным тоном сообщила, что забирает девочку сейчас же. Встревоженная Ида попыталась урезонить гостью, но та, оттолкнув хозяйку, прорвалась во двор, где играла Норма Джин, и схватила ее в охапку. Испуганная девочка заплакала. Ида бросилась отнимать ребенка у взбесившейся мамы. Завязалась драка. Глэдис, не отпуская дочку, вбежала в дом со стороны кухни, где был отдельный вход, и заперлась. Через несколько минут Ида увидела, как покрасневшая Глэдис пересекает лужайку, сгибаясь под тяжестью огромного армейского вещмешка. В этом мешке Уэйн Болендер хранил инструменты, а теперь из него раздавались сдавленные детские крики... Борьба возобновилась. Две женщины перетягивали мешок, пока лямки не лопнули и Норма Джин не вывалилась на траву. На этот раз быстрее оказалась Ида. На этот раз уже она успела вместе с заходящейся в рыданиях девочкой запереться в доме. Глэдис немного походила вокруг, пробуя на прочность засовы окон и дверей, и, когда Ида Болендер крикнула ей, что вызвала полицейских и те вот-вот придут, тихо ретировалась.

Могла ли эта дикая сцена разыгаться на самом деле? Или мы вновь имеем дело с преувеличением или откровенной выдумкой? Конечно, Ида Болендер на склоне лет расстраивалась, слыша, как прославившаяся воспитанница публично обвиняет ее в сухости и жестокости, и желание не просто оправдаться, но и кое-что приукрасить в свою пользу было бы по-человечески понятным. (По словам рассказчиков, плачущая девочка на траве с криком «Мама!» простирала руки именно к Иде.)

В желании жителей Хоторна задним числом, после смерти Мэрилин Монро, приобщиться к славе своей великой землячки тоже не нашлось бы ничего удивительного.

Но не исключено, что какая-то реальная основа у рассказа все же имеется: в конце 20-х – начале 30-х годов Глэдис Бейкер снова переживала нервные срывы и к бутылке прибегала куда чаще, чем прежде.

Чуть более убедительно, чем вышеизложенная, звучит история о том, как Ида вскоре после битвы за Норму Джин просила разрешения удочерить ребенка. «Простив» Глэдис сумасшедшую выходку, она пригласила ее на ужин и принялась объяснять, что любит девочку как родную, а та ее – как родную мать, что Норма Джин счастлива с ними, Идой и Уэйном, и своими приемными братьями и сестрами. Глэдис, дескать, просто обязана отказаться от своих материнских прав, если хочет обеспечить дочери достойное будущее.

Эта беседа, после долгих слез и уверений, закончилась ничем. Глэдис Бейкер не забрала дочку у Болендеров, но и не отказалась от нее. Все вернулось в прежнюю колею: нерегулярные субботные визиты, экскурсии по Лос-Анджелесу и его окрестностям, поджатые губы Иды, встречающей Норму Джин у дверей.

Если Ида Болендер и вправду хотела удочерить свою воспитанницу – значит, эта суровая женщина была искренне привязана к девочке.

Но вспомним слова Нэнси: «Она любила нас, хотя не говорила нам об этом». Похоже, Норме Джин отчаянно не хватало именно слов – а также искренних улыбок, жестов, прикосновений. Не хватало нежности и поддержки. Зато с избытком хватало нравоучений и попреков – за выпачканное платьице, за слишком громкий смех, за...

«Этой паре было трудно угодить. Во мне всегда чего-либо не хватало, хоть я и не припоминаю, чтобы я натворила или же навлекла на себя что-то особенное», – вспоминала Мэрилин. Есть вещи, переходящие от поколения к поколению, – и не так уж важно, что Норма Джин не была родным ребенком Болендеров. «Могла бы постараться и получше», – с упреком говорила маленькой Иде ее мать. «Могла бы постараться и получше», – с упреком говорила взрослая Ида маленькой Норме Джин, что бы та ни сделала.

Подобной воспитательной методы многие родители и учителя придерживаются и сейчас. Допустим, что с кем-то она и оправдывает себя, но Мэрилин Монро на всю жизнь сделала внутренне глубоко неуверенной в себе. Хотя Нэнси в своих мемуарах уверяет, что, пусть Ида Болендер обращалась с Нормой Джин даже строже, чем с остальными воспитанниками, – но исключительно для того, чтоб закалить ее характер, сделать самостоятельной и сильной.

Рассказы тех, кто помнил кинозвезду в раннем детстве, до странности не совпадают. Как будто речь идет о двух разных девочках. Одна – резвая, веселая, озорная, с зачатками властного и волевого характера. Другая – «удобная», послушная, тихая, даже несколько отрешенная от мира.

Скорее всего, правда и то и другое. Шала с «братцем» Лестером (ее ровесником, тем самым мальчиком, которого усыновили Ида с Уэйном), лазая по деревьям, Норма Джин становилась такой, какой задумала ее природа. Окрики и холодность заставляли ее затихать, замыкаться в себе.

И покойная Делла Монро, и Болендеры были горячими поклонниками евангелистской проповедницы Эйми Сэмпл Макферсон. Личностью она была весьма необычной. Суровость, аскетичность нравов большинства адептов ее учения – Болендеры лучший тому пример – парадоксальным образом шли вразрез с характером и замашками самой Макферсон. Пышущая жизнелюбием блондинка, она трижды разводилась с мужьями, крутила романы со знаменитостями (например, с Чарли Чаплином), была замешана во многих громких скандалах и несколько раз чуть не угодила в тюрьму.

Так, в мае 1926-го Эйми таинственным образом исчезла, купаясь в Тихом океане. Спустя пять недель она столь же таинственно «выплыла» и принялась рассказывать уже оплакавшим ее последователям, что была похищена врагами, но Господь даровал ей чудесное

спасение. Дело дошло до суда, где проповедницу обвинили в лжесвидетельстве, но Эйми была оправдана.

Эта дама определенно обладала незаурядными артистическими и организаторскими способностями. Каждое свое выступление она превращала в театрализованное шоу. О законе Божиим Эйми вещала, надев пригнанный по ее фигуре мундир полицейского, о нравственности разглагольствовала, нарядившись в костюм викторианского рабочего, который, вопреки смыслу речей, придавал ей задорный и соблазнительный вид. Почти профессиональная сцениграфия, игра света и зеркал, музыкальный аккомпанемент – Эйми Макферсон хорошо знала, как ввести паству в состояние экзальтации.

После этих полупроповедей, полуспектаклей Норма Джин видела странные, тревожащие сны.

«Мне снилось, что я стою в церкви совершенно раздетая, все люди лежат у моих ног на церковном полу, а я с ощущением полной свободы прогуливаюсь себе нагишом между распластанными фигурами, стараясь ни на кого не наступить».

Сон, оказавшийся в некотором смысле пророческим, повторялся, по словам Мэрилин Монро, часто...

...Норма Джин наконец-то нашла живое существо, которое полюбило ее безо всяких условий и которому она была необходима без всяких сомнений. Это был бродячий щенок, увязавшийся за ней на улице. Девочка назвала собачку Типпи и уговорила Болендеров оставить ее, пообещав, что будет заботиться о ней сама. Типпи участвовала во всех играх Нормы Джин и Лестера. Когда они начали ходить в школу, собака каждое утро провожала их до ворот, а потом встречала, строго по расписанию.

Весенними ночами Типпи убегала из дома, на что ни Болендеры, ни Норма Джин не обращали особого внимания, пока однажды утром собаку не нашли мертвой. По одной версии, ее задавило машиной, по другой – зарубил мотыгой сосед, которого будил лай, доносящийся с его огорода, по третьей – тот же сосед застрелил животное из револьвера.

Семилетняя девочка горевала так, что растерянная Ида, куда лучше умевшая распекаль, чем утешать, попросила ее мать приехать. Та взяла с собой подругу-неразлучницу Грейс Мак-Ки. В конце июня 1933 года между Глэдис, Идой и Грейс состоялось историческое совещание, в очередной раз определившее судьбу Нормы Джин.

Июль девочка провела в Голливуде – то в квартире, которую снимали на двоих Глэдис и Грейс, то у их друзей, английских актеров Джорджа и Мод Аткинсонов, чья дочь Нелли была примерно ровесницей Нормы Джин. А в августе Глэдис и Норма Джин Бейкер торжественно въехали в двухэтажный домик неподалеку. Молодой женщине пришлось изрядно влезть в долги, да и дом, конечно, был куплен в кредит. Но зато, как Глэдис и обещала дочке, в их комнатах все было белым, белоснежным, сияющим, возвещающим о новой жизни. Белые стены, белые чехлы на мебели, белые шторы – и белый рояль. Маленький концертный антикварный рояль, принадлежавший раньше актеру Фредрику Марчу.

Аткинсоны переехали вместе с ними, арендовав у Глэдис большую часть дома. Так было удобнее всем.

Для Нормы Джин действительно началась совершенно новая жизнь, к которой прежде ей доводилось прикасаться лишь урывками и изредка. Для Глэдис и Аткинсонов в этой жизни – веселой, суматошной, беспорядочной – ничего нового не было. «Они любили немного выпить, курили, танцевали, пели и играли в карты, то есть делали все то, что Болендеры считали греховным. И тем не менее они очень хорошо ко мне относились», – так Мэрилин позднее отзывалась о Джордже и Мод.

«Мы ходим в церковь, а не в кино», – внушала приемным детям миссис Болендер. Теперь Глэдис и Грейс Мак-Ки водили Норму Джин в кинотеатр каждый уик-энд. Иногда она ходила в кино и одна – по будням, после школы, на специально выданные ей для этой

цели карманные деньги. Норма Джин смотрела фильмы с Мэй Уэст, Кэтрин Хепберн, Кларой Боу, Ракель Торрес. А чаще всего на экране перед восхищенной девочкой сияла платиновая шевелюра Джин Харлоу, от которой были без ума и Грейс, и Глэдис. Любовью к этой актрисе они навсегда заразили Норму Джин. Занятная деталь: как мы уже говорили, первая голливудская блондинка никак не могла быть «крестной» своей будущей коллеги, но «Jeanne», второе имя девочки, в школьных журналах отныне сменилось на «Jean» – так писалось имя-псевдоним Харлоу.

Когда Норма Джин возвращалась в особняк на Эрбол-драйв, целлулоидные грезы не отпускали ее. Дома постоянно говорили о кино. Хотя вклад Аткинсонов в киноискусство заключался в основном в дублировании других артистов и участии в массовке, а Глэдис с Грейс были монтажницами, техническими работниками, – все они со знанием дела обсуждали режиссуру, нюансы съемки, сценарии.

Обитатели дома были общительны, очень общительны. Двери в доме не закрывались. Большие шумные компании собирались каждый уик-энд, а иногда и по будням.

Норма Джин и Нелли засиживались со взрослыми допоздна, и вряд ли кто-нибудь проверял, не забыли ли они почистить зубы. Молиться на ночь их тоже не заставляли. Норма Джин делала это добровольно. Вселявшийся с младенчества страх перед карой Божьей охватывал ее внезапно – и тогда она часами взывала к небесам, прося, чтобы мама и ее друзья, такие славные люди, но такие ужасные грешники, не отправились после смерти в ад.

Сухой закон в Америке еще не был отменен, но на соблюдение его во многих штатах уже смотрели сквозь пальцы. Летними вечерами взрослые пили на веранде пиво, не таясь от соседских взглядов. А Норма Джин наливала в пустые бутылки воду и ставила в них цветы.

Конец этой своеобразной богемной идиллии настал очень скоро. Осенью 1933 года Глэдис получила одну за другой два дурных известия – о смерти первенца Джека и о самоубийстве престарелого деда Тилфорда Мэриона Хогена. Первое погрузило Глэдис в отчаяние и чувство вины, и их не заглушали ни пиво с виски, ни антидепрессанты. Второе напомнило ей о проклятии наследственного безумия, якобы тяготеющем над семьей.

Глэдис впала в затяжную депрессию. Она едва справлялась с работой, а вечерами без остановки, словно заводная кукла, расхаживала по дому, монотонно читая молитвы. Даже верной Мак-Ки не всегда удавалось уговорить подругу поесть или хотя бы выпить чаю.

Невропатолог назначил Глэдис какое-то лекарство, но оно, похоже, только ухудшило дело. Апатия сменилась беспокойством, даже агрессией, которая выплескивалась на окружающих. В начале 1934 года Глэдис по настоянию Грейс Мак-Ки была помещена в психиатрическую лечебницу.

Грейс же утешала напуганную произошедшей с матерью метаморфозой Норму Джин.

«Тетя Грейс говорила со мной так, как не мог никто другой... – вспоминала спустя много лет Мэрилин Монро. – Она сажала меня рядом с собой и разговаривала, держа за руки. Я чувствовала себя такой цельной, как ломоть хлеба, который никто еще не держал в руках».

В течение года с лишним «тетя Грейс», обходя бюрократические препоны, добивалась официального оформления опеки над Нормой Джин и над делами Глэдис. Большую часть этого срока девочка прожила сначала с Аткинсонами, потом с Гиффенами (четой, принимавшей, как и Болендеры, приемных детей за плату), затем с матерью Грейс. Но «тетя» проводила с Нормой Джин почти все свое свободное время, прилежно занимаясь ее воспитанием.

Когда-то Грейс Мак-Ки взяла под крыло подавленную и опустошенную Глэдис Бейкер и, возясь с ней, как с куклой, практически сотворила ее заново. Теперь ситуация повторялась с маленькой дочерью Глэдис – еще более удобным и податливым объектом.

«Если бы не Грейс, не было бы никакой Мэрилин Монро... – уверяет сослуживица Мак-Ки Лейла Филд по компании „Columbia Studios“. – Грейс восхищалась Нормой Джин так, словно та была ее родной дочкой. Грейс говорила, что Норма Джин обязательно станет

кинозвездой. Такое у нее имелось предчувствие. Даже убеждение. „Не расстраивайся, Норма Джин. Когда вырастешь, будешь красивой девушкой – и важной персоной, кинозвездой“».

Ей вторит другая сотрудница Грейс, Шарлотта Энгельберг: «Грейс напрямую говорила о своих намерениях по поводу девочки. Норма Джин должна была стать кинозвездой, и дело с концом».

Дочь третьей работницы киностудии, Диа Нанурис, вспоминает: «Моя мать говорила, что Грейс одевала ее в самое симпатичное платьице и приводила с собой на работу. Она обожала ее и, по-видимому, любила как собственную дочь. Большинство людей на самом деле считали, что они были матерью и дочерью... каждый раз, когда она брала девочку на работу, это было похоже на пробы. Она заставляла ее танцевать и принимать различные позы. „Покажи им, какая ты красивая, Норма, – говорила она. – Совсем как Джин Харлоу! Или покажи им, как ты улыбаешься. Ну, точно как Джин Харлоу. Покажи им“. Моей маме казалось это странным. В конце концов, Норме Джин было тогда всего восемь лет. На девочке была модная одежда, ей завивали волосы, Грейс даже поговаривала об „исправлении носа“! Грейс надевала ей огромную широкополую шляпу, чтобы защитить ее личико от солнца. „Разве это не элегантно?“ – спрашивала она».

Грейс советовала Норме Джин подражать не только Джин Харлоу, но и другим звездам экрана: «Ну-ка, улыбнись, как Мэри Пикфорд, дорогая! Молодец! А теперь надуй губки!»

Платья – нарядные, с широкими юбками и огромными бантами сзади – девочке не покупали в магазине, а шили, как взрослой, у портних. Ее учили делать реверанс и вести светскую беседу: вежливо улыбаясь, выделяя каждую фразу интонацией.

Глэдис Бейкер, несмотря на жутковато звучащий диагноз «параноидальная шизофрения», не числилась среди тяжелых пациентов. По желанию ее иногда отпускали из лечебницы. Однажды Грейс решила устроить Норме Джин свидание с матерью в ресторане отеля «Амбассадор». Этот ленч был тягостным для всех троих. Глэдис, еще больше ушедшая в себя, обкормленная препаратами, совсем не обращала внимания на дочь – подростковую хорошенькую девочку со светло-каштановыми локонами и губами, тронутыми розовой помадой. Норма Джин, как наставляла Грейс, изо всех сил старалась быть любезной, но явное безразличие матери вгоняло ее в ступор. Только Грейс оживленно болтала, тщетно пытаясь вовлечь остальных в разговор.

Потом Грейс еще не раз организовывала подобные встречи, но все они походили одна на другую.

Хлопоты с дочкой подруги не помешала Грейс Мак-Ки закрутить роман с инженером-конструктором Эрвином Годдардом, которого друзья называли Доком. Этот верзила, рядом с которым миниатюрная Грейс смотрелась совсем крошечной, был очень недурен собой, мечтал о карьере киноактера и даже иногда нанимался дублером. У него было трое детей от предыдущего брака. Старшей из них, своей ровеснице Элинор, Мэрилин Монро, по-видимому, обязана «воспоминаниями» о множестве приемных семей, где ее подвергали издевательствам и унижениям. Элинор пришлось хлебнуть горя гораздо больше, чем Норме Джин. Своего отца дочь Годдарда позднее иронически характеризовала как «идеального компаньона для выпивки». Словом, Док был весьма амбициозен и не дурак выпить – очевидно, такие мужчины притягивали как магнит не только кровных родственников Нормы Джин.

Мак-Ки и Годдард познакомились весной и поженились уже в августе. Норму Джин привезли на их свадьбу в Лас-Вегас. Затем новоиспеченное семейство – Грейс, Док, Норма Джин и младшая дочь Годдарда Нона, другие дети должны были присоединиться к ним чуть позже, – поселилось рядом с Голливудом, в домике на Одесса-авеню в долине Сан-Фернандо.

«Теперь у тебя есть настоящий дом и настоящая семья, милая», – сказала Грейс Годдард Норме Джин. Казалось бы, тут и счастливый конец грустной сказке. Но Док счел, что

дом маловат для такой оравы, что ему достаточно собственных трех детей и что ему вовсе не улыбается кормить лишний рот. Он настойчиво уговаривал жену отдать девочку в приют – о, конечно же, ненадолго, всего лишь на время, до той мифической поры, пока он «станет на ноги» и разбогатеет. Грейс, которой перевалило за сорок, стала перед выбором: высокой ценой сохранить брак или не менее высокой ценой удержать при себе воспитанницу. Положение усугублялось тем, что Норма Джин по-детски ревновала Грейс к мужу и его детям, часто плакала и требовала внимания. Может быть, Грейс вспомнила, как друзья после отправки Глэдис в больницу уговаривали не брать на себя ответственность за дочь «сумасшедшей»: дескать, из ребенка из «такой» семьи, с «такой» наследственностью толку не выйдет.

И произошло нечто непостижимое для детского сознания: обожаемая «тетя Грейс» предала Норму Джин.

13 сентября 1935 года миссис Годдард высадила девочку из машины у ворот усадьбы из красного кирпича, построенной в колониальном стиле, – лос-анджелесского приюта для сирот.

Грейс повторила девочке примерно то же, что говорил ей самой Док: это ненадолго, только пока мы не переживем трудные времена... Неудивительно, что Норму Джин это не успокоило. «Я принялась плакать: „Пожалуйста, пожалуйста, не отдавайте меня туда. Я ведь не сирота, ведь моя мама жива“... казалось, весь мир вокруг меня рассыпался на части».

Она думала, что чем-то провинилась, сделала что-то ужасное, и за это ее наказывают, отлучают от дома, заточают в тюрьму. Но никак не могла понять, что именно натворила.

На глазах у разрывающейся в свой черед Грейс сотрудники приюта увели сопротивляющуюся девочку силой.

Став Мэрилин Монро, она вспоминала приют с содроганием. И от интервью к интервью полтора года, проведенные на улице Норт-эль-Сентро, делались все ужаснее.

Со слезами на глазах актриса рассказывала, что ей доводилось «трижды в день мыть сто тарелок, сто чашек, сто ножей, ложек и вилок, и так – семь дней в неделю... драить туалеты и ванны». А фарисеи-воспитатели платили за это ей, как и другим детям, по десять центов в месяц, на которые воспитанники должны были сами покупать себе тетради.

Заведующая приютом в беседе с Морисом Золотовым негодовала: «Просто не понимаю, зачем мисс Монро рассказывает про нас все эти ужасы. И все, что бы она ни сказала, тут же публикуют. У нас нет нужды обязывать детей выполнять какую-либо работу. В нашем штате – двадцать один сотрудник, включая одну воспитательницу на группу из десяти детей. Кухонный персонал вполне справляется с мытьем посуды. Верно, мы даем детям небольшие поручения и платим им за работу. И делаем это сознательно: ребенок должен чувствовать, что делает что-то полезное, должен ощущать свою нужность; а платим им для того, чтобы они могли потратить деньги по собственному усмотрению. А эта байка, что мы якобы заставляли Мэрилин трижды в день мыть посуду, – это же абсолютная глупость. Ребенку потребовалось бы четыре часа, чтобы перемыть такое количество посуды. Как в таком случае Мэрилин успевала бы ходить в школу, готовить домашнее задание да еще ложиться спать в девять часов, когда гасится свет?»

Лос-анджелесский приют, конечно, как и все подобные учреждения, был «казенным домом». У Нормы Джин здесь не было ничего своего. Гардероб девочки, привыкшей к модным нарядам, теперь состоял из двух одинаковых синих плиссированных юбок и двух белых блузок. Ей присвоили порядковый номер 3463. Друзей она так и не завела, снова став замкнутой и молчаливой. Магда Бернارد, сестра одного из приютских воспитанниц, позже рассказывала: «Я хорошо помню Норму Джин – симпатичная благородная голубоглазая девочка, которая очень хотела быть любимой. Она была красивой, но очень грустной».

Грустная девочка действительно очень хотела быть любимой. Настолько, что когда ей все-таки приходилось общаться с другими приютскими детьми, фантазировала напропалую.

«Временами я говорила другим детям, что у меня есть настоящие, и притом прекрасные родители, которые отправились в дальнее путешествие, но в любой момент могут вернуться за мной, и как-то я даже написала сама себе открытку, которую подписала от имени мамы и папы. Разумеется, никто мне не верил. Но я вовсе не огорчилась из-за этого. Мне хотелось думать, что это правда. И, быть может, если бы я добросовестно считала, что все так и есть на самом деле, то оно бы действительно случилось».

Идеальных родителей она потом будет придумывать себе всю жизнь, будет проецировать их образы на мужей, любовников, покровителей, друзей, учителей; как правило, на людей, вовсе не подходящих для этой роли и иногда беспардонно использующих доверчивость Мэрилин и ее потребность в любви...

Фантазировала она и так: «Часто я выходила на крышу и смотрела на находившуюся в нескольких кварталах башню с компрессорной и со служебными помещениями для киностудий, где когда-то работала моя мать. Иногда это доводило меня до слез – из-за одиночества, которое я ощущала. Но одновременно у меня рождалась мечта и каприз – работать там, где создаются фильмы. Когда я сказала об этом Грейс, та чуть не пустилась в пляс от радости... Я мечтала о том, что стану настолько красивой, что люди будут оборачиваться и смотреть мне вслед, когда я буду идти по улице. Я мечтала о том, как буду гордо идти в красивой одежде и все будут восхищаться мною – и мужчины, и женщины – и отовсюду будут доноситься слова восторга. Я составляла хвалебные фразы и громко произносила их, как будто это говорил кто-то другой».

Вероятно, после суматошной жизни с Глэдис и Грейс распорядок приютских будней мысленно возвращал Норму Джин в годы, проведенные у Болендеров, – только без строгой женщины, которая по-своему была все же привязана к ней и которой украдкой можно было шепнуть «мама», и без неразлучного дружка Лестера.

А нерегулярные субботние набеги Грейс, мучимой чувством вины и стремящейся развлечь и порадовать брошенную воспитанницу, так походили на давнишние визиты Глэдис Бейкер в Хоторн...

«Тетя Грейс» приносила с собой одежду Нормы Джин – нередко это было новое платье, ведь на подарки она не скупилась, несмотря на стесненность в средствах, – и приказывала девочке снять постылую униформу и переодеться. Затем они отправлялись куда-нибудь на ленч, а потом – в кино. На экранах тогда блистали Джин Харлоу, с которой Грейс не уставала сравнивать Норму Джин, и Кларк Гейбл, которого Глэдис когда-то «назначила» в отцы своей дочери.

Грейс все так же внушала Норме Джин, что однажды она непременно станет кинозвездой. Урывками, в дамских туалетных комнатах или просто на скамейке в парке, миссис Годдard возобновляла прерванные уроки женственности. Например, учила подопечную тонкостям нанесения макияжа.

В 1935 году вышли два фильма с Джин Харлоу – «Китайские моря» и «Безрассудная», а в 1936-м – целых четыре: «Сюзи», «Жена против секретарши», «Чернь», «Оклеветанная». Именно тогда Харлоу стала законодательницей мод. Женщины начали повально перекрашивать волосы в платиновый блонд. Не устояла перед искушением и Грейс. Ей очень хотелось выбелить и локоны Нормы Джин, но благоразумие одержало верх: приютское начальство точно не одобрило бы такое смелое новшество.

Часто Грейс приводила Норму Джин в Китайский театр Граумана – тот самый, перед которым находится знаменитая голливудская Аллея славы, где актеры навеки оставляют отпечатки свои рук и ног в цементе. «Тетя» с умилением смотрела, как девочка примеряется к следам известных актрис. Детская ладошка была еще намного меньше ладоней взрослых

женщин и не заполняла углубления, а вот с ногами дело обстояло наоборот: вставить ступню в школьном башмаке в отпечаток туфельки на высокой шпильке Норме Джин не удавалось.

Китайский театр Граумана

Вечером девочка возвращалась в приют и снова становилась «номером 3463». А Грейс, как и Глэдис когда-то, могла без предупреждения не появляться по несколько дней кряду...

Но, как бы Норма Джин ни тосковала в приюте, он имел мало общего с выдуманными Мэрилин Монро страшными сказочками для журналистов. На заработанные деньги дети покупали конфеты, а не письменные принадлежности. Их вывозили на пляж (приют располагал собственным домом на побережье), водили в цирк и театр, к ним приезжали со спектаклями актеры.

Однажды послушная девочка Норма Джин все-таки убежала из приюта. Это случилось в один из тех бесконечных уик-эндов, когда Грейс не приехала. Норма Джин проскользнула вслед за кем-то – может быть, за своим товарищем, которого родственники забрали на выходные, – в незапертые ворота и... Она растерянно бродила по Лос-Анджелесу, не зная, куда податься. Она хорошо понимала, что, если даже сумеет добраться до Годдардов и они окажутся дома, Док ей не обрадуется, а «тетя Грейс», строго отчитав, тут же отвезет обратно.

Привел ее в приют полицейский, обративший внимание на прелестного ребенка, по всей видимости, потерявшегося. Опустив глаза, Норма Джин стояла в кабинете заведующей и ждала сурового наказания. Но та, оторвав взгляд от бумаг и увидев раздумавшиеся от волнения щеки девочки, неожиданно улыбнулась. И, достав из ящика стола пудреницу, пуховкой легкими движениями обмахнула Норме Джин лицо.

«Ты очень хорошенькая, детка, а теперь – еще красивее! Сегодня воскресенье. Ходи так весь день!»

7 июня 1937 года Грейс Годдард забрала Норму Джин из приюта. (По странному, хотя вряд ли что-то означающему совпадению, в этот день Джин Харлоу умерла от обострившейся болезни почек.) Обещание было выполнено, но семейной идиллии опять не получилось. Вскоре одиннадцатилетнюю девочку попытался изнасиловать надравшийся в стельку

Док. Так, по крайней мере, Норма Джин рассказывала несколько лет спустя своему первому мужу Джиму Догерти. Если это правда – Грейс вновь оказалась перед выбором между новой семьей и долгом перед дочерью подруги. И вновь сделала выбор не в пользу Нормы Джин. Дом покинул не блудный муж, а ни в чем не повинный ребенок.

Однако на сей раз Грейс не пожелала отдать девочку в приют или к чужим людям. Она пыталась пристроить Норму Джин то к одним родственникам, то к другим. Обсуждался даже вопрос о переезде девочки к ее единоутробной сестре Бернис. Сестры тогда только что узнали о существовании друг друга, и между ними завязалась переписка, позже переросшая в нежную дружбу. Грейс лично съездила в штат Кентукки к Бернис, недавно родившей первенца, и с сожалением убедилась, что та живет слишком бедно, чтобы принять младшую сестру.

В одном из временных пристанищ Норму Джин снова чуть не изнасиловали – на этот раз кузен Джек, сын покончившего с собой брата Глэдис Мэриона Отиса Монро.

Девочка переезжала с места на место, пока в конце 1938 года не вернулась в Лос-Анджелес и не оказалась у родной тетки Грейс – Эдит Аны Лоуэр.

58-летняя вдова, жившая на доходы от недвижимости, оставленной ей мужем, была активной участницей Общества Христианской науки, где удостоилась ранга «исцелителя», но отнюдь не религиозной фанатичкой. Ана была из тех немногочисленных во все времена людей, для которых дух Священного Писания на самом деле важнее, чем буква. А попросту говоря – она обладала большим и добрым сердцем.

И хотя, по словам Элинор Годдард, Ана выглядела, «благодаря внушительной фигуре – грозно и сурово», «в ней не было ровным счетом ничего от напыщенной и надменной матроны, каковой ее часто полагали».

Ана Лоуэр дала Норме Джин то, чего не дали ни суровая опека Иды Болендер, ни судорожные вспышки материнских чувств Глэдис, ни честолюбивая забота Грейс.

«Она переменяла всю мою жизнь, – с благодарностью и нежностью вспоминала Мэрилин Монро. – Эта женщина была первым на свете человеком, которого я действительно любила и который любил меня. Она была потрясающим человеком. Когда-то я написала про нее стихотворение, и знакомые, которым я его показывала, просто плакали... Оно называлось „Люблю ее“. Только она одна любила меня и понимала... Эта женщина никогда не нанесла мне рану, ни единого разочка. Просто она не смогла бы. Это была сама доброта и любовь».

На тот момент Норме Джин было уже двенадцать с половиной лет. Еще немного – и куколка превратится в бабочку, ребенок – в начинающую осознавать свою притягательность юную девушку.

Глава 3

«Девушка Ммм»

«Тетя Ана» стала для Нормы Джин по-настоящему близким человеком, самым близким, который был у девочки за всю ее короткую жизнь. Она не ставила никаких условий, ее любовь не требовалось завоевывать. Ане Лоуэр, которой на своем веку пришлось отвесть и горя, и одиночества, которую бросил муж за два года до своей смерти, не на кого было излить накопившуюся нежность. Заключение местной тюрьмы, которым она раз в неделю читала вслух Евангелие, не слишком хорошо подходило для этой цели.

К Норме Джин, заброшенному, неприкаянному ребенку, Ана сразу почувствовала глубокую душевную приязнь, и девочка в ответ потянулась к ней всем своим существом. Норма Джин изливала переполнявшие ее новые чувства в стихах – о том, что Мэрилин Монро с детства и до конца своих дней писала стихи, подчас очень неплохие, знают немногие. И, как и в стихотворении, о котором Монро вспоминала в приведенной выше цитате, твердила на все лады: «Люблю, люблю, люблю!...»

Возможно, Ане Лоуэр до этого никто не посвящал стихов. Строчки, выведенные детским почерком, трогали ее до глубины души. Пожилая женщина взяла с воспитанницы обещание: когда ее, Аны, не станет, Норма Джин будет продолжать сочинять для нее стихи и складывать листки бумаги с ними в специальный, отведенный только для этой цели ящик.

Но немного спустя с сознанием и с телом Нормы Джин начали происходить перемены, которые она при всем желании не могла и не смела обсуждать с набожной воспитательницей, – а та вряд ли сумела бы подыскать нужные слова, поскольку, при всей доброте и чуткости, не обладала педагогической мудростью.

И тут начинается очень интересный период в истории Нормы Джин – будущей Мэрилин Монро. Отрочество вообще показательно и значимо для жизни каждого из нас – едва ли не больше чем детство; об отрочестве нашей героини мы знаем до обидного мало, несмотря на огромное количество рассказов, пересказов и перепевов, – и именно в силу разноречивости свидетельств очевидцев и тех, кто по прошествии лет вознамерился выдать себя за таковых.

Грейс все еще лелеяла надежды сделать из Нормы Джин кинозвезду. Собственно, и к Ане она ее поселила для того, чтобы девочка окончила в Лос-Анджелесе общеобразовательную школу, а затем могла поступить в заранее выбранную для нее школу актерского мастерства. Но, измотанная заботами о собственном семействе, миссис Годдард уделяла дочке Глэдис гораздо меньше времени и внимания, чем раньше. Она больше не следила за гардеробом Нормы Джин, а Ана – уж точно не из жадности и не столько по бедности, хотя тогда она действительно еле сводила концы с концами, сколько по возвышенности чувств – считала нормальным то, что воспитанница донашивает приютскую униформу, те самые давным-давно опостылевшие две синие юбки и две белые блузки. Главное – душа! Так Ана Лоуэр искренне полагала сама, это же внушала Норме Джин. Та не возражала. Но трудно, да что там, просто невозможно жить единственно духовными интересами, если ты – девочка-подросток, которой очень хочется нравиться, хочется все больше, до горячих слез.

Только с Аной Норма Джин поверила, что Бог есть не страх, а любовь. Но если так – пусть все создания божьи полюбят ее, незаконнорожденную, явившуюся на свет по ошибке, ее, бывший «номер 3463»!

«Ты красива и снаружи, и внутри, и не стоит придавать много значения тому, что думают о тебе другие люди», – говорила Ана Норме Джин. Однако ту как раз ужасно интересовало, что о ней думают другие.

Норму Джин посещали тревожные и сладкие сновидения, похожие на те, которые она видела шестилетней, после посещения проповедей-шоу Эйми Макферсон. Грезилла она и наяву. Вот, вместе с тетей Анной, она приходит в воскресенье в церковь, где полным-полно народу. Органист поднимается в свою каморку. И, стоит зазвучать музыке, торжественной и прекрасной, – она вдруг оказывается обнаженной, сияя белизной перед десятками взоров, не порицающих, нет-нет, а полных благоговения и восторга...

Между тем за пределами дома Аны она, подросток, уже утративший детскую прелесть и еще не научившийся пользоваться всеми преимуществами женственности, слыла едва ли не дурнушкой, едва ли не «чокнутой», странной девочкой, жившей в бедняцком квартале, раздражавшей учителей рассеянностью и смешившей школьников рассказами о том, что ее отец – Кларк Гейбл, а сама она – без пяти минут звезда Голливуда.

Однажды прямо посреди урока Норма Джин увидела, что ее ветхая от старости блузочка треснула по шву. Мальчишки на задних партах уже начали шушукаться, подталкивая друг друга локтями. Одноклассница сжалилась над «чокнутой» и ссудила ей свитер, который сняла из-за духоты. Норма Джин, багровея от стыда, убежала с чужой одежкой в туалет, переодеваться. Она вернулась... и мальчишки снова зашушукались, но уже совсем с другими интонациями. По классу прошел восхищенный гул. «Ммммм...» Если раньше ее дразнили «девочкой Ммм», потому что она не могла сладить с заиканием (с которым потом боролась на протяжении всей своей карьеры), то теперь этот «титул» обрел совершенно новый смысл.

«Когда я садилась на место, все посмотрели на меня так, словно я вдруг выросла на две головы, и в каком-то смысле так и было».

Рост в буквальном, а не метафорическом смысле как раз имел значение. Взрослая Мэрилин Монро была довольно миниатюрной, как и ее мать, но Норма Джин, сильно вытянувшаяся к 14 годам, переросла всех девочек в своем классе. В том числе и ту, которая спасла ее, одолжив свитер. И этот свитер туго обтягивал созревающую грудь и тонкую талию Нормы Джин. Она была не просто девчонкой в чересчур тесной одежде... Окружающие впервые заметили в ней нечто такое, чему не находили слов. Чему впоследствии не находил слов весь мир.

После уроков из-за Нормы Джин впервые подрались мальчишки. Каждый хотел проводить ее домой. На остальных девочек, даже признанных красавиц, прежде презрительно хмыкавших Норме Джин вслед, никто не обращал ни малейшего внимания.

С этого дня и облик, и поведение будущей актрисы изменились до неузнаваемости. Она припомнила все уроки, преподанные ей когда-то Грейс, и достала из ящика стола косметичку. Она изобретала свои собственные маленькие хитрости, позволявшие ей казаться еще соблазнительнее. У одноклассниц, которые относились к ней уже совсем по-другому и только рады были услужить, Норма Джин заимствовала наряды. Некоторые из этих девочек и сами выросли из пожертвованных джемперов и кофточек, а Норме Джин перепавшее добро было и подавно мало на два-три размера, но это и требовалось – она не забывала о обернувшимся триумфом конфузе из-за порванной блузки. Красота требовала жертв – и девочка каждую ночь спала на бигуди, чтобы ее русые волосы лежали крупными блестящими волнами. Как и в эпоху шефства Грейс, она отрабатывала перед зеркалом ослепительные улыбки.

Лелеявшая с детства мечты о всеобщем внимании, но пугливая и застенчивая в реальности, теперь она с озорным наслаждением шокировала ближних. Когда приютские юбочки стали малы Норме Джин настолько, что перешить их в очередной раз трудолюбивая тетя Ана уже могла, девочка купила за несколько центов подержанные мужские брюки и надела их со стареньким шерстяным жакетом, вывернутым наизнанку. Этот костюм, блестящее подтверждение поговорки «Голь на выдумки хитра», придавал ей хулиганский и вместе с тем сексуальный вид. Среди женщин тогда еще не были массово распространены брюки, во всяком случае, школьницы уж точно не приходили в них на занятия. Взбешенные учителя, на потеху

ученикам, несколько раз выгоняли Норму Джин с уроков и посылали домой переодеться. Но переодеваться ей все равно было бы не во что, даже если бы она и захотела.

Накрашенные кроваво-красным губы, конечно, тоже возмущали преподавателей, а вот у мужской части класса вызывали совершенно противоположный эффект.

В школу Норма Джин больше не шла в одиночку – у дверей ее каждое утро поджидали двое-трое мальчиков, которые всю дорогу отнимали друг у друга ее сумку с учебниками.

Естественность манер отнюдь не была в моде среди дам в конце 30-х и начале 40-х. Но Норма Джин, начиная лепить свой ныне легендарный образ, утрировала все, что и без утрирования было гротескным. Растягивая на особый лад слова, она училась скрывать заикание. Уже тогда она начала отрабатывать свою знаменитую походку «от бедра», благодаря которой бедра призывно колыхались. Общаясь с мужчинами, она извивалась всем телом, словно намекая на необузданную страстность своей натуры. В сочетании с полудетской внешностью это смотрелось странно. Вернее, это смотрелось бы комично в исполнении какой-нибудь другой девушки, но в исполнении Нормы Джин было забавным и привлекательным.

«Бесстыдница!» «Что она себе позволяет!» О ней начали сплетничать еще в ее 14–15 лет, и рокот сплетен не утихал до самой ее смерти.

Что же «позволяла» себе юная Норма Джин? Первый муж Нормы Джин, Джим Догерти – скоро он появится в нашем повествовании – божился, что женился на девственнице. Вполне возможно, так оно и было, хотя верить Джиму можно не в большей степени, чем остальным «свидетелям Монро».

Но и сама Норма Джин уверяла: «...со всей этой губной помадой, тушью, со всеми этими ямочками и изгибами я была не чувствительнее улитки... Бывало, лежу ночами и дивлюсь, с чего это мальчишки за мной увиваются».

«Увиваются» – сказано еще очень скромно. Покой благочестивой Аны Лоуэр, да и прочих жителей Небраска-авеню, нарушали подростки, толпами, человек по 10–15, собиравшиеся вечерами под окнами Нормы Джин. Они свистели, выкрикивали ее имя, залезали на деревья – делали все, чтобы выманить у нее хотя бы мимолетную улыбку, хотя бы кокетливую гримаску.

На девочку засматривались и мужчины постарше. Шоферы сигналили, когда она шла по утрам в школу.

Несомненно, Норма Джин получала от всего этого колоссальное удовольствие. Она наконец-то получила вожаденное признание! Она больше не чувствовала себя пустым местом, фигуркой, которую равнодушные руки передвигают по доске. «Мир стал дружелюбнее... он раскрылся передо мной».

Но и только. «Она – генерал секса, но, подобно другим генералам, не испытывает ни азарта, ни тревоги, выпадающих на долю рядовых», – напишет о героине в пору ее ранней юности Норман Мэйлер.

«Мальчишки ухаживали за мной так, будто я была единственным существом женского пола во всей округе. Будучи подростками, они ограничивались прощальным поцелуем и неловким объятием в коридоре. На самом деле я без труда отражала атаки большинства ухажеров. В пятнадцать – восемнадцать лет парни не слишком настойчивы. Я думаю, что, если бы опытные женщины не соблазняли их, мальчишки сохраняли бы невинность так же долго, как и девочки (если они сохраняют).

Среди моих ухажеров были, однако, и молодые люди, вступавшие между собой в реальное соперничество, а время от времени попадался даже настоящий „волк“, с полным набором терминологии и планов соблазнения. Этим было особенно легко дурачить, просто потому, что мне их не было жаль».

Купаясь в холодноватом ликовании, Норма Джин еще не осознавала того, что потом стало ложкой дегтя в бочке меда ее славы, – именно в те годы, годы отрочества, она все больше проникалась уверенностью, что быть значимой может только как объект чувственных взглядов, ни в коем случае не сама по себе.

Безусловной любви Аны Лоуэр, увы, все-таки не хватило для того, чтобы залечить раны, черные дыры в сердце девочки, исцелить ее от разрушительной неуверенности.

Летом 1940 года у Нормы Джин случился первый «официальный» роман. Ее избранником стал рыжеволосый старшеклассник Чак Морен. Хотя оба учились в средней школе имени Эмерсона, познакомились они не на переменке, а, как рассказывают, в дешевом баре «Хи-Хо» или на пляже. До момента, когда танцовщица Мишелин Бернардини показала публике первое бикини, оставалось еще шесть лет, но купальник Нормы Джин был, как и прочая ее одежда, на несколько размеров меньше положенного.

Чак был, что называется, «плохим парнем»: мог, например, угнать приглянувшийся автомобиль, чтобы свозить приглянувшуюся девушку поразвлечься на аттракционах в Оушен-парк. Из-за этого у Морена не раз бывали проблемы и с владельцами машин, и с родителями девушек, если те или другие обнаруживали пропажу раньше времени.

Но для свиданий с «девушкой Ммм» Чак просил автомобиль у отца. Парочка отправлялась на пристань, в танцзал, где часто отплясывала огненную румбу киноактриса Лана Тернер, чей муж Арти Шоу руководил оркестром.

О том, как проводили время Норма Джин с Чаком, Мэрилин Монро вспоминала: «Мы танцевали до упаду, а потом выходили на стаканчик колы и прогуливались на холодном ветру. Чаки давал мне понять, что хочет чего-то большего, нежели просто иметь партнершу для танцев. Его руки вдруг оказывались везде! Но меня это пугало, и я была довольна, что умею выцарапаться от самых сильных ребят – жизнь в сиротском приюте, а также то, через что довелось пройти с Доком и Джеком, научила меня этому. Бедный Чак ничего с этого не имел, у него только болели ноги, и он тратил силы на борьбу со мной. Но я себе думала так: что ж, у него просто нет права ни на что большее. Кроме того, я в самом деле не больно рвалась к сексу, и в этом, пожалуй, были свои хорошие стороны».

Роман сошел на нет в сентябре, когда начались занятия: у Нормы Джин – все в том же учебном заведении имени Эмерсона, у Чака – в школе-лицее при университете. Но юноша еще года два слал Норме Джин открытки на День святого Валентина.

Похоже, и с Чаком, и с другими ухажерами Норма Джин действительно вела себя как типичная кокетливая девчонка-подросток: болтала, танцевала, обнималась, целовалась, но не позволяла «лишнего».

В школьной газете «Эмерсонец» однажды появился шуточный гороскоп, в котором Норме Джин Бейкер пророчили будущее «лучезарно улыбающейся директрисы пристанища для старых дев». Вполне вероятно, это один из разочарованных кавалеров отомстил ей таким довольно элегантным способом.

Писала для «Эмерсонца» и сама Норма Джин. Одна из ее заметок в ретроспективе выглядит весьма занятно:

«После анализа и сопоставления результатов более чем полусотни анкет, распространенных в школе, мы приходим к выводу, что для пятидесяти трех процентов наших молодых людей идеалом девушки является блондинка. Сорок процентов отдают предпочтение брюнеткам с голубыми глазами, а семь утверждают, что хотели бы очутиться на безлюдном острове с рыжеволосой девчонкой... Если иметь в виду максимальное единомыслие анкетуемых, то идеальной девушкой была бы блондинка с медовым отливом волос, изящной фигурой и правильными чертами лица, притом элегантная, интеллектуальная и одаренная в спортивном отношении (но все-таки женственная); кроме того, она должна быть лояльной подругой».

То ли в конце 1940-го, то ли в начале 1941 года Норме Джин снова пришлось собрать свои скудные пожитки. Ана Лоуэр, из-за возраста и тучности страдавшая сердечно-сосудистыми болезнями, чувствовала себя все хуже, а девочка, еще, в сущности, ребенок, сама еще требовала ухода и никак не годилась в сиделки. Возможно, причиной очередного переезда Нормы Джин отчасти стало и ее вызывающее поведение. Ана была терпимым человеком и редко ругала воспитанницу. Поначалу она даже радовалась, что девочка развлекается, что та окружена друзьями. Но вид столь бурно расцветающей женственности наверняка заставлял доброе большое сердце Аны Лоуэр биться быстрее. Она уже не могла контролировать Норму Джин и, скорее всего, боялась, что та под ее присмотром «попадет в беду».

На этот раз Норма Джин не очень печалилась, не решила, что ее предали вновь.

Во-первых, ее брала к себе Грейс – а значит, возвращала ей свое «признание». Во-вторых, Ану она могла навещать сколько угодно, а молитвы в компании пожилых знакомцев «тети» уже порядком ей наскучили. В-третьих, с Годдардами тогда жила вышеупомянутая старшая дочь Эрвина, Элинон, и у Нормы Джин наконец появилась близкая подружка-ровесница – а подрастающим девочкам это просто необходимо.

Элинон, которую в семье звали Бейб, была на полгода младше Нормы Джин, примерно одного с ней роста и одной комплекции. Даже волосы у них были одного цвета. Характерами они тоже были схожи. Часто весь дом оглашался жизнерадостным девчачьим смехом. Элинон позже говорила, что, кажется, именно тогда Норма Джин научилась смеяться по-настоящему – без кокетства и жеманства, без желания понравиться или угодить, просто беззаботно хохотать от души. Она открыла в себе «блестящий талант веселиться».

Вместе девочки бегали в кафе, кино, на танцы – и обрастали кучей приятелей. Новые знакомые нередко принимали Норму Джин и Бейб за сестер-близнецов, и девочкам это ужасно нравилось. Они всю пользовались своим сходством, меняясь одеждой, одинаково красясь и причесываясь.

Перед сном они подолгу шептались и хихикали, делясь девчоночьими секретами. Но были среди этих секретов и печальные. Элинон рассказала Норме о выпавших на ее долю злоключениях: равнодушной к детям матери-психопатке, приемных семьях, где подопечных колотили и принуждали к тяжелой работе, о беспросветности и отчаянии. Как мы уже говорили, многое из этих рассказов стало потом, по видимости, материалом, из которого Мэрилин Монро склеила миф о себе.

Школа, в которой теперь учились Норма Джин и Бейб, располагалась довольно далеко от принадлежащего Ане Лоуэр особняка в западном Лос-Анджелесе, куда Годдарды переехали незадолго до «расширения семейства». Зато рядом с прежним домом Годдардов на Одесса-авеню (владелицей которого, к слову сказать, тоже была Ана). Грейс спросила бывшую соседку, Этель Догерти, не может ли ее 20-летний сын Джим привозить девочек домой после уроков. Джеймс Догерти поначалу с улыбкой отнекивался – болтушки, дескать, сведут его с ума. Но потом рассудил, что компания двух прелестных юных особ – не такое уж и наказание, а времени водительские услуги отнимут у него не так уж и много.

Джима окружающие считали юношей серьезным и дельным. Младший из пятерых детей, он во время Великой депрессии девятилетним ребенком работал целыми днями, как взрослый, собирая фрукты. Помогал семье он и потом – чистил проходим обувь, готовил в закусочной бутерброды, подрабатывал в погребальной конторе. При этом он хорошо учился и был председателем ученического совета и лучшим игроком школьной футбольной команды. От спортивной стипендии, которую предложил ему колледж, Джим отказался, чтобы не лишать родителей своих заработков. По окончании школы он устроился рабочим на авиастроительный завод.

Джим был хорошо сложен, обаятелен и на свой лад щеголеват. Девушек он подвозил на купленном в кредит ярко-голубом «форде», а его аккуратные усики напоминали Норме

Джин о Кларке Гейбле. Норма Джин и Бейб строили глазки привлекательному «взрослому» парню и постоянно подтрунивали над ним, но вряд ли в этом было что-то, кроме обычной пробы коготков. Норма Джин, по заверениям Догерти, норовила сесть к нему поближе, особенно в отсутствии часто болевшей Бейб. Но и это, скорее всего, получалось у нее едва ли не машинально, было всего лишь одним из приемов ее растущего арсенала кокетства. «Неплохой старичок!» – говорила она Бейб о Джиме.

Джима же забавляли и приводили в хорошее настроение эти юные девушки, для него – все еще дети, даже звезда подростковых компаний Норма Джин. И речи быть не могло, чтобы начать ухаживать за какой-нибудь из них.

«Я обратил внимание, что она была премилой и симпатичной девчоночкой, которая считала меня бесподобно выглядящим в белых рубашках, но для меня она была не более чем ребенком, потому как в нашем возрасте пять лет представляют собой огромную разницу», – так охарактеризовал он спустя десятилетия свое отношение к Норме Джин в ту пору.

Но вскоре все изменилось.

Эрвину Годдарду предложили работу менеджера по продажам в Западной Вирджинии, и он с радостью ухватился за предложение. Элинон Годдард скептически говорила об отце: «По правде говоря, он до этого просто бил баклуши и слонялся без дела, пытаясь стать актером, хватаясь за самую разную работу и так далее, – вот он и решил в конечном итоге, что должен уже как-то остепениться и образумиться. Док прекрасно умел продавать все что угодно, и наконец-то у него появилась мотивация взяться за постоянную работу».

Семье предстояло покинуть насиженное гнездо. Док категорически возражал против того, чтобы Норма Джин поехала с ними. Да, оклад ему обещают солидный, но кто знает, как оно все сложится на новом месте? Зачем ему, Доку, лишняя обуза, да еще в виде кокетливой девчонки, за которой нужен глаз да глаз? (О том, что несколько лет назад эта «кокетливая девчонка» еле спаслась от его похотливых лап, мистер Годдард, надо думать, благополучно позабыл.)

Ана Лоуэр, чье здоровье продолжало ухудшаться, боялась, при всей своей любви, брать на себя ответственность за Норму Джин. Единственным и не устраивающим никого выходом виделось возвращение девушки в приют вплоть до совершеннолетия. Или?..

И Грейс Годдард задумала выдать Норму Джин замуж. А жених? Да вот же он! Долго искать нет нужды. Похоже, Джим Догерти с Нормой Джин успели приглянуться друг другу. Нужно это проверить!

Разведку боем, однако, хитроумная Грейс начала не с самого Джима, а с его матери. Призвав в качестве тяжелой артиллерии Ану Лоуэр, чья благообразная наружность с первого взгляда внушала людям уважение и доверие, миссис Годдард зашла выпить кофе к миссис Догерти. Поняв, чего хотят от нее гости, хозяйка изрядно удивилась. Джим еще так молод, он еще и не задумывался об обзаведении собственным семейством. Что же до гипотетической невесты – она ведь и вовсе школьница. А слухи об этой школьнице ходят такие, что... Этель покраснела и извинилась перед приятельницей и ее теткой. Нет, конечно же, сплетникам верить нельзя, и лично она, Этель Догерти, не верит, люди многое преувеличивают... Но...

Ана Лоуэр торжественно заверила, что ее бывшая воспитанница чиста и невинна. Она, Ана, служит Богу, пред которым скоро предстанет, ибо стара и немощна, – и не стала бы лгать. Грейс упирала на то, что Этель и ее сын совершат благое дело, если уберегут бедное дитя от приюта, – ведь девочка и так уже столько вынесла!

Под двойным натиском миссис Догерти не то что бы капитулировала, но по крайней мере пообещала, что поможет молодым людям сблизиться и тем временем сама как следует присмотрится к Норме Джин. А там уж – как Господь рассудит...

Первым ходом в игре стало переданное Джиму через его мать приглашение на рождественский бал. К приглашению присовокуплялась просьба выступить в роли кавалера Нормы Джин и заодно подыскать кого-нибудь для той же цели для Элинор Годдард.

Ни о чем не подозревавший Джим согласился. Почему бы и нет? Постоянной девушки, которую он хотел бы видеть своей дамой, у него на тот момент не было.

На балу танцевали современные свободные танцы, во время которых Норма Джин, в свойственной ей манере, держалась к партнеру близко, очень близко, чувственно прикрыв глаза. И Джим понял, что ему это безумно льстит, и даже больше, чем просто льстит. «Я, как никогда в жизни, получал удовольствие от танцев с этой маленькой девочкой, которая, впрочем, уже и сама себя не чувствовала таковой, да и мне не казалась такой уж маленькой».

То, что началось между Джимом и Нормой Джин потом, можно назвать дружбой с оттенком флирта. Вскоре Джим пригласил девушку на танцы. В увеселительном заведении, куда он ее привез, парни не стеснялись в выражениях эмоций, потому что здесь, в отличие от бального зала, не было их родителей. И реакция этих мальчиков и мужчин поразила Джима. «Я впервые испытал влияние ее сексапильности на большую группу людей и должен сказать, что я был ошеломлен. Допускаю даже, что немного ревновал...» На обратном пути, в машине, Джим впервые поцеловал Норму Джин.

Они выбирались вдвоем на пикники, бутерброды для которых складывала в корзинку миссис Годдард. Забирались в горы, ездили на озеро и любовались окружающей их природой под рвущийся из автомобильной радиолы голос Фрэнка Синатры. Норма Джин смотрела на Джима снизу вверх и в прямом, и переносном смысле. Она всерьез находила его – или ловко сумела убедить в этом – умным, повидавшим жизнь, знающим. И это тоже очень, очень льстило Джиму, пусть он и не знал по большей части ответов на вопросы, которыми забрасывала его девушка.

Вопрос, однако, не терпел отлагательств: Годдарды уже практически сидели на чемоданах. Грейс и Этель Догерти решили, что настала пора действовать.

За недолгий срок Этель прониклась симпатией к Норме Джин – что-что, а обаять будущая Мэрилин Монро могла кого угодно! – и теперь искренне хотела видеть ее своей невесткой. Но Джим, уяснив себе, о чем говорит с ним мать, изумился так же, как она сама каких-то пару месяцев тому назад. Он и вправду не думал пока о женитьбе, ни на Норме Джин, ни на ком бы то ни было другом. Незадолго до этого США вступили во Вторую мировую войну, и Джим хотел пойти на фронт добровольцем, что плохо вязалось с замыслами Грейс и Этель.

Но все же под воздействием уговоров Джим размечтался о том, как приходит с работы домой, а на шею ему кидается юная жена, такая славная, милая и волнующая... Главным же аргументом послужило то, что брак с Джимом спасал Норму Джин от приюта. Спаси красивую девушку от беды – почти столь же благородно, как отправиться спасать мир от нацистов! Так вдруг показалось Джеймсу Догерти.

15-летняя Норма Джин, которой миссис Годдард одновременно сообщила о своем скором отъезде в Западную Вирджинию и своих планах насчет участи воспитанницы, и подавно не помышляла о замужестве. По словам Джима, она была в бешенстве: «...с этого момента Норма Джин потеряла уважение к Грейс. У нее сложилось такое впечатление, что ее еще раз оттолкнули, что ее выставили из очередного дома... Дело в том, что Грейс ранее пообещала Норме Джин, что та уже никогда больше не будет испытывать неуверенности в своем завтрашнем дне, и бедная девушка полагала, что своими нынешними действиями Грейс нарушила данное ею обещание».

Джим нравился ей, как и она ему, но они не были влюбленными. И тем не менее...

«Весь этот брак организовала и устроила Грейс Мак-Ки. У меня не было абсолютно никакого выбора. Что тут еще можно добавить? Они не могли меня содержать и были вынуждены что-нибудь придумать. Вот так я и выскочила замуж...»

«А нельзя ли мне выйти за Джима, но не заниматься с ним сексом?» – робко спросила она у Грейс. «Сексом занимаются все мужья и жены, и в нем нет ничего страшного. Научись!» – нетерпеливо отмахнулась та, давая понять, что тема исчерпана.

«Самое важное, что принес этот брак, – скажет позже Мэрилин Монро, бывшая Норма Джин Мортенсен-Бейкер, – он навсегда покончил с моим статусом сироты. За это я была благодарна Джиму. Он был моим Лохинваром, освободившим меня от синих платьев и белых кофточек».

В марте Годдарды отбыли в Западную Вирджинию. Их отъезд Норма Джин пережила очень тяжело. Спустя пару дней она заявила изумленным одноклассникам и учителям, что, поскольку скоро выходит замуж, считает обучение оконченным. Больше в школе она не появлялась. Ана Лоуэр, к которой Норма Джин временно вернулась, смирилась с этим решением. Конечно, девушка спокойно могла бы доучиться до летних каникул. Но место за партой Элинор, сестры-подруги, ненадолго подаренной судьбой, пустовало, Норма Джин снова чувствовала себе преданной и была обижена на весь белый свет, впереди ждала неизвестность – и какой же чепухой по сравнению со всем этим казались физика с географией! К тому же Джин Харлоу, двойником и преемницей которой Норма Джин уже привыкла себя считать, тоже бросила школу ради замужества в возрасте 16 лет.

Аналогия с биографией Харлоу придет Мэрилин на ум и тогда, когда она через много лет будет вспоминать о жизни с Джимом Догерти: «Впоследствии мне все случившееся казалось сном – как будто бы этот факт вообще никогда не имел места. И ничего хорошего из этого не вышло, точно так же как не удалось и первое замужество Джин Харлоу. Видимо, мы обе были слишком молоды».

Мэрилин Монро потом не переставала горько сожалеть, что не окончила школу. Это усиливало ее чувство собственной никчемности, неполноценности, которое всегда пробивалось в ней сквозь внешний блеск и лоск. К тому же кое-кто из врагов и даже друзей не упускал случая сыграть на том, что Мэрилин чувствует себя необразованной, серенькой, глупой...

В отличие от первого бракосочетания матери Нормы Джин Глэдис Монро, метрику невесты-подростка подправлять не пришлось. 1 июня 1942 года Норме Джин исполнилось 16 лет, и по законам штата Калифорния с этого дня она уже была вполне готова идти под венец.

Пока Норма Джин дожидалась брачного возраста, Джим ухаживал за ней уже на правах жениха. Официальное предложение руки и сердца казалось всем настолько незначущей формальностью, что однажды, гуляя с Нормой Джин по Лос-Анджелесу, Джим завел ее в ювелирный магазин, выбрал для них обручальные кольца, уплатил за покупку – и только потом догадался спросить: «Ты будешь моей женой?»

19 июня Джим и Норма Джин поженились. И тут опять всплыла путаница с фамилиями двух мужей Глэдис, ни один из которых не был отцом ее младшей дочери: Ана Лоуэр разослала от своего имени приглашения на свадьбу Нормы Джин Бейкер, но акт о заключении брака невеста подписала как Норма Джин Мортенсен.

Друзья Годдардов Хауэллы предоставили для торжества свой дом. Племянник хозяина вспоминал: «На основании того, что я слышал от членов моей семьи, можно понять, что это произошло как-то между делом».

Но невеста, честь по чести, нарядилась в настоящее свадебное платье, белое, украшенное вышивкой, – Грейс и Ана загодя позаботились обеспечить воспитанницу скромным приданым, – и прикрыла локоны фатой.

Она, по словам Джима, настолько тряслась от лихорадочного возбуждения, что едва могла устоять на ногах. А чтобы успокоить самого Догерти, старший брат перед церемонией чуть ли не силком заставил его выпить добрую порцию двойного виски.

Дж. Догерти и Норма Джин

Нэнси Джеффри потом утверждала, что была на этой свадьбе, как и Ида и Уэйн Болендеры, а также все приемные дети, воспитывавшиеся Болендерами в одно время с Нормой

Джин. Возможно, расчувствовавшаяся Норма Джин действительно пригласила их всех. Ведь давно невзлюбившей Иду Болендер Грейс уже не было до этого особого дела. «Я помню винтовую лестницу в гостиной и нас, глядящих вверх, когда она появилась там. Это была удивительно красивая невеста», – рассказывала Нэнси.

Глэдис при бракосочетании дочери не присутствовала. Все это время ее переводили из клинику в клинику, и состояние ее не давало надежд на улучшение. За три года до описываемых событий, в 1939-м, Грейс Годдард привезла Норму Джин в лечебницу в Сан-Франциско, где тогда находилась Глэдис. Девочка была ошеломлена и расстроена – мать даже не узнала ее!

Не приехали из Западной Вирджинии и Грейс с Доком и Бейб...

Джиму навсегда запомнилось, как льнула к нему, словно ища защиты, его новоиспеченная жена. «[Она] на протяжении всего дня не выпускала мою руку и, даже держась за меня, смотрела мне в глаза так, словно боялась, что я исчезну навсегда, если вдруг выйду из комнаты».

После ужина компания переместилась в голливудское кабаре «Флорентийские сады», где молодежь танцевала до упаду. При этом Джим ревновал жену, ведущую себя, по его мнению, чересчур развязно, а та сочла попытки мужа выглядеть удальцом и лихим танцором попросту нелепыми.

Под утро молодожены приехали в заранее снятую квартирку на улице Виста-дель-Монте в Шерман-Оукс. Джим проснулся с больной головой, когда закатное солнце залило комнату. Зажмурившись, он потянулся к Норме Джин, но руки его нащупали только подушку. С улицы доносились смех и веселые крики. Один голос показался Джиму знакомым. Подойдя к окну, он с треском распахнул его, посмотрел вниз и обомлел. Его девочка-жена беспечно играла на улице с ребятишками.

Глава 4

«Прохаживающаяся по улице мечта»

Во многом начало супружеской жизни мистера и миссис Догерти было таким, как у тысяч других молодых пар. Притирка характеров, мелкие стычки из-за внезапно обнаружившихся несовпадений во вкусах и привычках, пылкие ссоры и жаркие примирения.

Во многом эта пара очень сильно отличалась от прочих.

Норма Джин звала мужа Папочкой, что поначалу умиляло его, а потом начало раздражать. Так зовут своих мужей сотни жен во всем мире, есть у них дети или нет. Но дело в том, что Норма Джин как будто действительно искала в Джиме потерянного еще до рождения отца, а сама желала вечно оставаться рядом с ним любимым ребенком.

Отношения «ребенок / родитель» среди супругов встречаются не так уж редко. Но они жизнеспособны только тогда, когда двое согласны и способны принять на себя соответствующие роли. А Джим «отцом» для своей юной жены быть не хотел и не мог. Его представления о браке были достаточно традиционны. «Я – капитан, а моя жена – первый офицер, старпом. А коль так, то жена должна быть довольна уже тем, что находится на корабле, и не мешать мне управлять и командовать им». Жена-помощница, а не капризное своевольное дитя, которое то осыпает «капитана» поцелуями, то закатывает ему истерики.

Не будучи влюбленной в жениха, Норма Джин очень сильно привязалась к мужу, потому что теперь только на него и могла рассчитывать. А обручальное кольцо на пальце вроде бы давало надежду, что новый «опекун» не покинет ее, не выбросит из своей жизни, как сделали до него все остальные, все, кто был ей дорог.

Джеймс-то надеялся, что будет «всё как у всех», как у его родителей и соседей. Терпеливо дожидаящийся на плите горячий ужин, когда бы глава семейства ни пришел – с завода, или из пивной, куда мужчинам не зазорно забрести после работы, чтобы пропустить по стаканчику, или после многочасовой партии в покер в выходной. Терпеливая, всегда опрятная и свежая женушка, не перечашая мужу.

А Норма Джин совсем не умела готовить. Когда она пыталась следовать советам из подаренной Грейс книги «Подготовка к браку» или из женских журналов – тех самых, где несколько лет спустя появятся ее фотографии, – результаты получались ошеломляющими. Так, однажды она пять или шесть раз кряду подала Джиму морковь с горошком, вычитав, что оранжевое с зеленым создают на тарелке привлекательную цветовую гамму. Если Догерти отправлялся с отцом и братьями на рыбалку и, вернувшись, торжественно потрясал перед женой уловом, Норма Джин глядела на сырую рыбу так озадаченно, будто бы вообще не понимала, что это такое.

Сама она ела, когда и что придется, в основном надкусывая и бросая печенье, сыр, хлеб, фрукты. Спала тоже когда и где придется, словно годы, проведенные в детстве в доме Болендеров и в приюте, навсегда отвратили ее от какого бы то ни было четкого распорядка. Норма Джин могла вдруг заснуть посреди бела дня на коврике или вовсе на голом полу, а ночью шаталась по дому, будя и зля Джима, которому нужно было вставать чуть свет.

Норма Джин с трудом переносила отсутствие мужа и, будь ее воля, не отпускала бы его даже на работу, целыми сутками так же судорожно сжимая его руку, как в вечер их свадьбы.

На первых порах Джима искренне трогали подстерегающие его там и сям, то под покрывалом, то на дверце холодильника любовные записочки. Поначалу ему будоражило кровь, когда Норма Джин устраивала сюрпризы, встречая его, например, в шальварах баядерки и с густо подведенными глазами.

Он растерянно улыбался и с трудом мог отказать, когда девочка-жена со слезами умоляла его взять в дом очередного бездомного котенка или щенка.

Но он предпочел бы менее экзотические способы выражения чувств. И полагал, что в их и без того тесном жилище (с Шерман-Оукс супруги в декабре 1942 года перебрались обратно в Ван-Найс) нет места животным, которые к тому же будут портить мебель и разносить грязь.

Впрочем, песика Магси, потерявшегося шотландского колли, чем-то напомнившего Норме Джин ее лучшего друга детства – покойную дворняжку Типпи, Джим все-таки позволил приютить.

Общеизвестно, что, выслушав двух разведенных супругов, мы узнаем две абсолютно разные истории. Поэтому неудивительно, что поведенные миру версии Джеймса Догерти и Мэрилин Монро не совпадают не только в малозначащих деталях.

Так, он хвастался, что его первая жена отличалась бешеной страстностью и их интимная жизнь была идеальна, что Норма Джин побуждала его заниматься с ней любовью в самых необычных позах и местах.

А она, очаровательно краснея, признавалась репортерам, что едва терпела ласки Джима и что первый брак сделал ее еще более равнодушной к сексу.

Джим рассказывал, что Норма Джин угрожала ему самоубийством, если он только подумает бросить ее; клялась, что тогда прыгнет с пирса Санта-Моники.

Мэрилин холодно парировала, что покончить с собой хотела от безысходности: брак с Джимом напоминал ей западню.

О первом браке ее расспрашивали на протяжении всей ее карьеры. И в принципе все ее ответы можно свести к одной короткой фразе: «Нам нечего было сказать друг другу».

В 1953 году, на пике славы кинозвезды, журнал «Photoplay» опубликовал статью под подписью Джеймса Догерти и под названием «Мэрилин Монро была моей женой». Неоднократно у Джеймса брали интервью и другие издания. Можно не сомневаться, что он не упускал шансов несколько приукрасить свой образ и «подправить» прошлое.

Но нижеприведенные слова достаточно правдоподобны:

«Она была настолько впечатлительна и не уверена в себе, что я осознал свою неспособность обращаться с нею. Я знал, что она совсем молода и что ее чувства весьма ранимы. Норма Джин думала, будто я зол на нее, если хоть раз, выходя из дому, я на прощание не поцеловал ее. Когда вспыхивала ссора – а это происходило постоянно, – я чаще всего говорил: „Замолчи!“ или даже „Заткнись!“ и укладывался спать на диване. Проснувшись через час, я обнаруживал ее спящей рядышком со мною или сидящей неподалеку на полу. Одновременно Норма Джин была весьма снисходительной. Никогда в жизни она не таила ни на кого обиду. Мне казалось, будто я знаю, чего она хочет, но то, о чем я думал, никогда не оказывалось тем, чего она хотела в действительности. У меня складывалось впечатление, что Норма Джин играет какую-то роль, готовясь к тому будущему, которого я не мог предвидеть».

Юная миссис Догерти отнюдь не забыла то, к чему с детства готовила ее Грейс Мак-Ки / Годдард: она, Норма Джин, должна стать актрисой, и не просто актрисой, а знаменитостью!

Будущее, брезжащее где-то вдалеке, действительно не менее верно разрушало ее брак с Джимом, чем несходство характеров и привычек молодых супругов. Ее устремления были ему чужды, непонятны, неприятны. Несмотря на всю потребность в «Папочке», легко поверить, что в конце концов Норме Джин стало с ним скучно.

Что касается настоящего «папочки», которого она никогда не видела, – Норма Джин не теряла надежды найти его, хотя бы узнать его имя. Она продолжала пытаться об этом у Грейс Годдард, с которой постоянно переписывалась. Та не знала, что ей ответить: она ведь и сама ничего толком не знала. Но однажды Грейс навестила в лечебнице Глэдис, которая

сказала ей, что отец Нормы Джин – их бывший сотрудник Гиффорд, и отдала фотографию Чарльза Стенли, которую, оказывается, любовно хранила до тех пор.

Учитывая, что Глэдис 17 лет молчала, а потом принялась делиться своей тайной со всяким, кому хватало терпения ее выслушать, эту информацию нельзя брать на веру. Понимала это и Грейс, поэтому передала содержание разговора Норме Джин после долгих колебаний и предупредив, что ее отцом мог быть и кто-нибудь другой, что все это, вполне вероятно, – бредни помешанной. Фотографию Гиффорда Грейс положила в конверт с письмом и отослала в Лос-Анджелес.

По словам Догерти, Норма Джин была ошарашена новостью, часами не сводила глаз со снимка, мечтала о встрече с отцом и боялась ее. Проявив недюжинные детективные способности, она раздобыла телефон Гиффорда. «Здравствуйте, я Норма Джин, дочь Глэдис...» Договорить она не успела: в трубке послышались гудки. Норма Джин расплакалась. Муж и свекровь, которых она, чтобы не было так страшно, попросила присутствовать при беседе, долго не могли ее утешить.

Предполагаемый брат Нормы Джин, Чарльз Стенли Гиффорд-младший, категорически отрицал, что этот звонок вообще имел место: «Никогда не было ничего подобного. Это звучит очень литературно, как все, в чем принимала участие Мэрилин Монро. Она создала массу весьма причудливых историй о своей жизни. Я думаю, что на самом деле она сказала людям, что звонит моему отцу, набрала номер и соединилась с кем-то, но это не был мой отец. Мой отец не бросил бы трубку. Он бы захотел узнать побольше о ней и о Глэдис. Я думаю, что она придумала все это, а затем стояла там, набирала номер... просто играла роль перед свидетелями».

Не в первый и далеко не в последний раз повторим: как обстояло дело в реальности, мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Джим, в свою очередь, не забыл, что еще до того, как мать и Грейс Годдард организовали его женитьбу, собирался отправиться на фронт. Растущее напряжение в отношениях с женой подогревало это желание. Дважды или трижды он порывался записаться в добровольцы, но Норма Джин, которой очень не хотелось остаться одной, отговаривала его.

Но летом 1943 года он все-таки поступил на флот. В качестве уступки жене – не в военный, а в торговый, чьи корабли бороздили океан на территории США.

Раньше Норма Джин говорила, что не готова стать матерью (и это было чистой правдой). Теперь она упрашивала Джима перед отъездом «сделать ребенка». Он же, прежде твердивший, что в семье, «как у всех», должны быть дети, – сказал, что с малышом им придется обождать до конца войны.

Джеймса Догерти направили на морскую базу Авалон на острове Санта-Каталина. После нескольких недель в лагере для новобранцев он был назначен командиром взвода призывников.

По настоянию Джима Норма Джин переселилась к его родителям, прихватив с собой Магси. Однако уже осенью муж вызвал ее к себе. Жалованье офицера позволяло Догерти снять квартиру неподалеку от базы, и он даже не возражал, чтобы песик тоже поселился там.

Месяцы, проведенные на острове, обернулись нешуточным испытанием для брака Джима с Нормой Джин.

«Разумеется, в городке ощущалась нехватка женщин, и именно там начались проблемы с мужчинами, – вспоминал Догерти. – Она всякий раз, когда я упоминал о своих давнишних девушках, испытывала ревность, но в тот год на Каталине для ревности было гораздо больше поводов у меня. Норма Джин великолепно отдавала себе отчет в красоте своего тела и знала, что нравится мужчинам. Моя жена постоянно отправлялась вместе с Магси на прогулки, одетая в плотно облегающую белую блузку и столь же облегающие белые шорты, с ленточкой в волосах. Выглядела она при этом как прохаживающаяся по улице мечта».

«Мечта» не только прохаживалась по улицам и пляжу, где, по мнению Джима, «каждый тип мысленно насиловал ее». Она еще и совершенствовала свое тело, занимаясь силовой гимнастикой со штангами и гантелями под руководством армейского инструктора.

В городке было казино с просторным танцзалом, и однажды там выступал оркестр Стэна Кентона. Пары кружились под джазовую музыку. Норма Джин была нарасхват. Мужчины стремились танцевать с ней, и только с ней. Законному супругу только раз удалось заполучить ее в партнерши. Остальное время он в основном стоял у стенки и слушал флигельные реплики насчет своей жены, которыми перебрасывались друг с другом более удачливые кавалеры. Сжав кулаки, Джим отчаянно злился. Его чувства разделяли все женщины в зале, кроме миссис Догерти.

Наконец Джим не выдержал. Подойдя к жене, он отрывисто буркнул: «Пора домой!» Норма Джин заупрямилась: ей было так весело! «Если ты останешься, то домой можешь не возвращаться!» – выпалил побагровевший Джим. И жена нехотя повиновалась.

Норма Джин оплатила мужу за ревность, проявив при этом и остроумие, и актерский талант. Через несколько дней после злополучного танцевального вечера Джим пришел домой раньше обычного и обнаружил, что жена заперлась изнутри на ключ, чего никогда не делала. В ответ на стук и окрик послышался весело-испуганный голосок: «Билли? Подожди, сейчас открою!» За дверью раздавались странные звуки, как будто внутри двигали мебель и шептались. «Это я!» – рявкнул Джим. «Ой, Томми, я не знала, что ты придешь так рано!» Джим орал и стучал до тех пор, пока дверь не распахнулась и перед ним не предстала улыбающаяся Норма Джин, закутанная в полотенце. Она посетовала, что муж вытащил ее прямо из ванной. В квартире, конечно же, больше никого не было.

Весной 1944-го Джеймса перевели на другую базу Тихого океана, где не было условий для того, чтобы военнослужащие могли жить вместе с семьями.

Норма Джин и Магси вернулись в Лос-Анджелес. В то время женщины в США, как и в других странах, вставали к станку, чтобы заменить ушедших на фронт мужчин. Этель Догерти работала санитаркой на производящей беспилотные самолеты фабрике «Radioplane Company», расположенной в Бербанке – городе в округе Лос-Анджелес. Туда же устроилась и Норма Джин. В ее обязанности входило наносить на детали самолета лак из аэрозоля.

«Это была нелегкая работа, – вспоминала дочь тогдашней сотрудницы Нормы Джин. – Рабочий день был очень длинным, иногда он продолжался двенадцать часов. Лак отвратительно пах. Запах пропитывал волосы и руки, и смыть его нельзя было никакими силами. Норма Джин часто опаздывала на работу. Так начала создаваться ее репутация человека, опаздывающего всегда и всюду. Однако она очень нравилась другим служащим. Ее считали очень чутким человеком, и любой мог обратиться к ней со своими проблемами».

Другим служащим Норма Джин нравилась даже чересчур.

В письме Грейс от 15 июня она сетовала: «Изо всех сил старалась получить место в военной администрации, заполняла разные нужные для этого бумаги, и все было уже на мази, но я узнала, что буду работать с целой АРМИЕЙ мужиков. Я провела там всего один день, однако в этом месте оказалось слишком много бабников, с которыми мне пришлось бы работать, а с меня хватает тех, что в Radioplane Company, и целая армия мне вовсе ни к чему. Офицер по кадровым вопросам сказал, что может принять меня на работу, но не советовал, ради моего же собственного блага. Так что я снова нахожусь в „Radioplane Company“ и очень рада этому».

Норма Джин в «Radioplane Company». 1945 г.

«Бабники» теперь, похоже, одолевали миссис Догерти, которой только что исполнилось 18, на каждом шагу. В том же письме она рассказывала Грейс, что откладывает почти все заработанное на фабрике, чтобы после войны они с Джимом побыстрее могли купить свой дом.

Однако деньги, которые удалось скопить, Норма Джин потратила иначе. В октябре 1944 года она взяла отпуск и отправилась в первое в своей жизни самостоятельное путешествие.

Норма Джин навестила Бейб в Западной Вирджинии и старших Годдардов, которые теперь жили в Чикаго. Грейс нашла там работу в кинолаборатории, поскольку Док, как ни странно, так и не удосужился стать кинозвездой и разбогатеть, и вообще дела у него шли из рук вон плохо. Норма Джин оставила им немного денег и в дальнейшем всегда матери-

ально поддерживала «тетю Грейс», даже когда сама сидела на мели. Видимо, она поняла и простила то, что прежде расценивала как предательство.

Погостила Норма Джин и в Детройте – у своей единоутробной сестры Бернис, ее мужа Пэриса Миракла и дочери Моны Рей.

После нескольких лет переписки сестры впервые увидели друг друга, и, надо думать, сердца у обеих в преддверии встречи бились чаще обычного.

На вокзал Мираклы пришли всей семьей, включая сестру Пэриса Ниобу.

«Норма Джин написала мне, какая на ней будет одежда и какого цвета, – вспоминала Бернис. – Мы с Пэрисом и Ниобой вышли на перрон и стояли, ожидая, когда поезд окончательно остановится. Я спрашивала себя, кто из нас первой узнает другую, и вообще, узнаем ли мы ее. У нас не было ни малейшего шанса ее не узнать! Все пассажиры, выходящие из вагонов, выглядели совершенно обычными людьми, а затем, внезапно, появилась эта высокая великолепная девушка. Мы все сразу закричали. Ни один из пассажиров не выглядел так, как она: высокая, необыкновенно симпатичная и свежая, и, как она и писала, одетая в ярко-синий шерстяной костюм и шляпку с приколотым на полях сердечком».

Бернис и Норма Джин провели много часов, рассказывая друг другу о проведенных врозь детстве и юности, говоря об истории семьи, о их общей матери, об умершем брате, рассматривая фотографии.

Этой поездкой Норма Джин словно подводила своего рода итог предыдущей жизни, готовясь к отчаянному прыжку в жизнь новую.

По возвращении из отпуска молодую женщину перевели в другой цех, поручив работу, ничуть не более увлекательную, чем прежняя, – проверку и укладку парашютов. Однако именно за этим занятием ее застал Дэвид Коновер – фотограф, пришедший на фабрику в составе группы «моменталистов» из армейской киностудии. Группа делала короткие кино- и фотосюжеты для документальных фильмов и правительственных журналов вроде «Янки». То и другое должно было вдохновлять солдат на подвиги. А что может быть более вдохновляющим, чем хорошенькая девушка, самоотверженно выполняющая мужскую работу, пока ее отец, братья и жених сражаются на фронте!

Все женщины на фабрике были одеты одинаково – в рабочую униформу, состоящую из зеленой блузы и серого джинсового комбинезона. Но этот комбинезон так ладно подчеркивал фигуру Нормы Джин, что она выделялась из всех даже в темном углу фабричного цеха, даже будучи погружена в нудную и тягостную работу.

Дэвид заметил ее чуть раньше других. И восхищенно присвистнул. А затем его взгляд с груди девушки – первом, что привлекло внимание 25-летнего мужчины, – скользнул выше. «У нее было очень выразительное лицо, – скажет он через десятилетия, – в нем сочеталась нежная тонкость с поразительной подвижностью».

Только спустя полгода с лишним Норма Джин опишет Грейс в письме свою первую встречу с Коновером:

«...меня вытащили и начали делать мои снимки... Все при этом спрашивали, где я, черт побери, пряталась раньше... Они сфотографировали меня кучу раз, отсняли в нескольких сюжетах, а некоторые пытались назначить свидание и т. п. (разумеется, я всем отказала)... Когда сеанс съемок закончился, один капрал по фамилии Дэвид Коновер сказал, что хотел бы сделать несколько моих цветных фото. У него есть фотостудия на бульваре Сансет... Он говорил, что в случае моего согласия решит с фабричным начальством все вопросы, так что я ответила, „о кей“. Мне было сказано, как одеться, накраситься и т. п., и на протяжении следующих нескольких недель я ему многократно позировала... По его словам, все снимки вышли великолепно. Он добавил также, что мне любой ценой нужно стать профессиональной фотомodelью... что я прекрасно получаюсь на фотографиях и что он хотел бы сделать

намного больше моих фотоснимков. Еще он рассказал, что знает множество людей, с которыми хотел бы меня познакомить...

Это ужасно милый человек, он женат, и нас связывают исключительно деловые отношения, что меня вполне устраивает. Похоже, и Джиму пришлось по душе мысль, чтобы я стала моделью, так что я довольна».

Относительно Джима она заблуждалась. Потому что возможность того, что его жена может сделать карьеру фотомодели, с самого начала была ему поперек горла. В этом он ощущал угрозу себе, и не напрасно.

«Мое будущее с Нормой Джин рухнуло в тот момент, когда армейский фотограф щелкнул затвором своего фотоаппарата. Просто тогда я еще не знал этого», – горько вздыхал потом Джеймс Догерти.

Он и вправду еще этого не знал. Потому что когда он приехал домой на Рождество и Новый год, Норма Джин встретила его так тепло и радостно, будто вернулись их лучшие дни.

Гонорар от съемок она потратила на подарки мужу и тончайшее шелковое белье для себя, которое продемонстрировала Джеймсу в спальне гостиничного номера, снятого ею, чтобы они могли побыть вдвоем, без докучливых забот мамыши Догерти и прочей родни.

Иногда, предчувствуя скорую перемену участи, мы становимся особенно нежны к тем, кого неминуемо оставим в прошлом.

Коновер позднее утверждал, что у них с Нормой Джин был роман. Может быть, да, может быть, нет, – но почему бы и нет? В любом случае, это не так уж и важно. Важно то, что с подачи Дэвида у Нормы Джин начался роман с камерой. Единственный роман, которому не суждено было увянуть и сойти на нет.

Перед объективом Мэрилин Монро будто распахивала настежь душу. Выпускала наружу все свое, отличающее ее от других, пусть и более красивых, женщин, сверхъестественное – уж не эльфийское ли, в самом деле? – очарование.

Это не сравнишь с обычной фото- или киногоеничностью.

Дэвид сдержал обещание и познакомил Норму Джин со своими коллегами-фоторепортерами, журналистами, голливудскими актерами. Ее приглашали на светские приемы – как украшение праздника. Ее стали привлекать к участию в фотосессиях – пока время от времени, но даже эти случайные заработки с лихвой превышали ее крошечный оклад в «Radioplane Company». А она все чаще опаздывала на работу и получала нарекания от начальства, на которое смотрела уже без всякого пиетета.

Почти все лето они с Дэвидом – то ли друзья, то ли любовники, то ли то и другое сразу – провели в разъездах по Калифорнии. Коновер фотографировал Норму Джин на фоне живописной природы – в Долине Смерти, на склоне горы Витни, у водопадов и у подножия гигантских секвой. Часть фотографий он потом опубликовал, поделив выручку с моделью, часть подарил ей на память.

«Мамочка малость разозлилась, когда заметила, что моя жена действует коварно», – говорил потом Джим. Норма Джин не проявляла особого коварства – просто ей было больше невмоготу удерживаться в образе скромной молодой женщины, ожидающей мужа с войны. А «мамочка» Этель, конечно, была недовольна и поздними возвращениями невестки, и тем, что по утрам и вечерам под окнами сигналят из модных автомобилей какие-то подозрительные хлыщи. Своим недовольством она щедро делилась с сыном. Тот слал жене грозные письма: «Тебе пора остепениться. У тебя может быть только одна карьера. Женщина не может находиться в двух местах одновременно». Под единственной карьерой, подходящей Норме Джин, он, само собой, подразумевал «карьеру» примерной супруги, прилежной домохозяйки, будущей матери. Но Норму Джин уже мало смущали нотации свекрови и мужа.

В конце концов обстановка в доме сделалась настолько невыносимой, что Норма Джин переехала на Небраска-авеню, к Ане Лоуэр, заняв квартиру на первом этаже. Она не чув-

ствовала себя, как прежде, обузой для «тети Аны», ведь теперь была уже не подростком, доставляющим хлопоты, а самостоятельной женщиной, могла помогать своей стареющей воспитательнице и заботиться о ней.

Верного Магси Норма Джин с собой отчего-то не взяла. Возможно, Ана возражала против животных в доме. Пес очень скучал без хозяйки, перестал есть и вскоре умер – как резюмировал Джим Догерти, «от разбитого сердца».

Коновер тоже, на свой лад, уговаривал Норму Джин «остепениться» – стать моделью на регулярной основе, устроившись в какое-нибудь агентство. И вот одним солнечным днем (а другие в Калифорнии случаются редко) она обратилась в рекомендованное Дэвидом агентство «Синяя книга» («Blue book»). Оно, согласно рекламной брошюре, готовило девушек «к карьере актрисы, манекенщицы и фотомодели».

Агентство принадлежало двум дамам, будто бы сошедшим со страниц диккенсовских романов, только в осовремененной версии: матери и дочери, Эмме и Эмелин Снайвли. Эмелин, «маленькая леди» за сорок, никогда не появлялась на людях без шляпки, обладала обширными связями, отличалась своеобразным едким юмором и сочетала деловитый цинизм с безупречной порядочностью.

Эмелин спустя годы делилась первыми впечатлениями о Норме Джин: «Она все время озиралась по сторонам, словно бы очутилась в ином мире... Но я была убеждена, что спустя короткое время смогу превратить ее в девицу, которая будет хорошо продаваться. Это была прямолинейная американка, здоровая девушка – слишком пухленькая, но по-своему красивая. Мы пытались научить ее, как она должна позировать, управлять своим телом. Она старалась потише смеяться, поскольку до сих пор делала это слишком громогласно, даже зычно; кроме того, при чрезмерно аффектированной улыбке ее нос казался немного длинноватым. Поначалу она не знала, как себя вести, не имела ни малейшего понятия о красивой походке, о том, как следует эффектно сидеть или позировать. Она приступила к занятиям как наиболее слабо подготовленная среди всех девушек, которых мне довелось видеть в своем агентстве, но зато работала усердней всех... Ей хотелось учиться и хотелось стать кем-то значимым в большей степени, чем какой-либо другой из моих клиенток».

А вот что думала мисс Снайвли о своей клиентке и ученице, когда та уже достигла известности: «Меня часто спрашивают, как стать похожей на Мэрилин Монро, а я отвечаю: „Голубушки, найдись у вас хоть половина, хоть четверть той смекалки, какая была у той девчушки, вы тоже будете купаться в лучах славы. Но такой, как она, уже никогда не встретится“».

Чуть ли не на следующий день после беседы с Эмелин Снайвли Норма Джин уволилась с фабрики по собственному желанию – так легко и естественно, будто сбросила старую кожу.

В «Синей книге» данные Нормы Джин Догерти скрупулезно внесли в реестр. Рост – 5 футов 5 дюймов, то есть 165 см. Вес – 118 восемнадцать фунтов, или 53,6 кг. Объем груди–талии–бедер – 36–24–34 дюйма (91,5–61–86,5 см). Размер одежды – американский 12-й (при пересчете на российскую шкалу – 46-й). «Волосы чрезмерно вьются, перед укладкой нуждаются в осветлении и перманенте», – критически отмечалось в персональном деле. Зубы расценивались как идеально белые, но с дефектом прикуса: чересчур выступающими верхними резцами и клыками.

Осветлить волосы, то есть превратиться в блондинку, мисс Снайвли советовала Норме Джин с самого начала. Но та сопротивлялась, считая, что так утратит свою индивидуальность. И это несмотря на то, что кумиром и примером для подражания для Нормы Джин по-прежнему оставалась платиновая блондинка номер один Голливуда, Джин Харлоу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.